

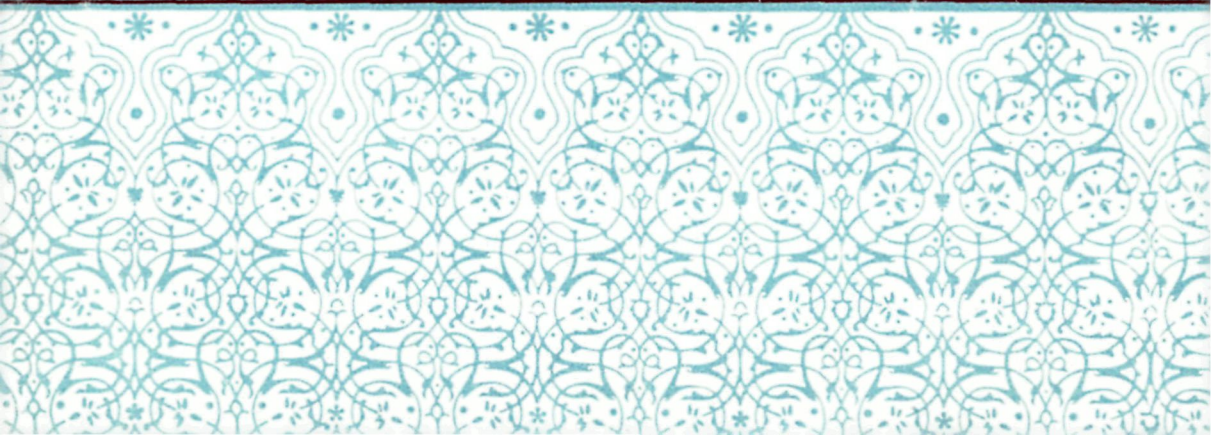
ЎЗБЕКИСТОНДА
ИЖТИМОЙ
ФАНЛАР

ОБЩЕСТВЕННЫЕ
НАУКИ
В УЗБЕКИСТАНЕ

1981

6

ЎЗБЕКИСТОН ССР ФАНЛАР АКАДЕМИЯСИ
АКАДЕМИЯ НАУК УЗБЕКСКОЙ ССР

ЎЗБЕКИСТОНДА
ИЖТИМОЙ
ФАНЛАР

Журнал 1957 йилдан чиқа бошлаган

6

1981

ОБЩЕСТВЕННЫЕ
НАУКИ
В УЗБЕКИСТАНЕ

Журнал издается с 1957 года

Редакционная коллегия

акад. АН УзССР Э. Ю. ЮСУПОВ (*главный редактор*), акад. АН УзССР С. К. ЗИЯДУЛЛАЕВ, акад. АН УзССР И. И. ИСКАНДЕРОВ, акад. АН УзССР С. К. КАМАЛОВ, акад. АН УзССР К. И. ЛАПКИН, акад. АН УзССР М. К. НУРМУХАМЕДОВ (*зам. главного редактора*), акад. АН УзССР М. Ю. ЮЛДАШЕВ, член-корр. АН УзССР Г. А. АБДУРАХМАНОВ, член-корр. АН УзССР Р. Х. АМИНОВА, член-корр. АН УзССР М. А. АХУНОВА, член-корр. АН УзССР М. Б. БАРАТОВ, член-корр. АН УзССР П. Г. БУЛГАКОВ, член-корр. АН УзССР М. К. КОШЧАНОВ, член-корр. АН УзССР Г. А. ПУГАЧЕНКОВА, член-корр. АН УзССР С. П. ТУРСУНМУХАМЕДОВ, член-корр. АН УзССР Х. Т. ТУРСУНОВ, член-корр. АН УзССР Ш. З. УРАЗАЕВ, член-корр. АН УзССР М. М. ХАЙРУЛЛАЕВ, доктор ист. наук А. А. АСКАРОВ, доктор филол. наук А. П. КАЮМОВ, доктор ист. наук Б. В. ЛУНИН (*зам. главного редактора*), доктор ист. наук А. Р. МУХАМЕДЖАНОВ, доктор филос. наук Ж. Т. ТУЛЕНОВ (*зам. главного редактора*), доктор филос. наук К. Х. ХАНАЗАРОВ, доктор экон. наук А. Х. ХИКМАТОВ, Б. И. КНОПОВ (*отв. секретарь*).

*Адрес редакции: г. Ташкент, ул. Гоголя, 70.
Телефоны: 33-47-12, 39-04-83.*

Решения XXVI съезда КПСС — в жизнь!

Н. ТУХЛИЕВ

**АГРОПРОМЫШЛЕННАЯ ИНТЕГРАЦИЯ И ДАЛЬНЕЙШЕЕ
СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ КООПЕРАТИВНО-КОЛХОЗНОЙ
СОБСТВЕННОСТИ**

Важной чертой социально-экономического прогресса, характеризующей вступление нашего общества в период зрелого социализма, является совершенствование кооперативно-колхозной собственности в направлении сближения ее с общенародной собственностью¹.

Известно, что само существование кооперативной собственности обусловлено относительно низким уровнем развития производительных сил и обобществления производства на отдельных участках экономики, прежде всего в сельском хозяйстве. Преодоление этого отставания обеспечит сближение, а затем и слияние двух форм социалистической собственности в единую, общенародную собственность.

Прогрессивное преобразование кооперативно-колхозной формы собственности означает прежде всего постепенное преодоление элементов группового присвоения средств производства и результатов производственной деятельности колхозов. Соответственно при анализе предпосылок и факторов дальнейшего обобществления важно обращать внимание именно на подобные изменения. При этом нельзя ограничиваться лишь процессами, которые характерны для колхозного сектора экономики. Напомним, что социалистические свойства кооперативная собственность приобретает не в силу своей внутренней природы, а под воздействием общенародного коллективизма, общенародного присвоения средств производства. К тому же переход к массовой коллективизации был непосредственно связан с индустриализацией, в том числе развитием промышленных производств, обеспечивающих сельское хозяйство техникой. Соответственно и развитие кооперативно-колхозной собственности происходит прежде всего под влиянием производственно-технических и социально-экономических процессов, происходящих в масштабе всего общества.

Решающие народнохозяйственные предпосылки подтягивания кооперативно-колхозной собственности до уровня общенародной создаются развитием промышленного производства. Все большая масса индустриальных средств производства, поставляемых сельскому хозяй-

¹ Кооперативная собственность сама по себе не характеризует сущности социализма. Поэтому в процессе анализа природы социалистических производственных отношений от нее можно абстрагироваться. Однако анализ изменений в конкретной социально-экономической практике должен проводиться с учетом сдвигов в кооперативной собственности. То же самое касается исследования проблем совершенствования производственных отношений социализма. Последнее объясняется, во-первых, взаимозависимостью всех явлений и процессов, зависимостью сдвигов на одних участках экономического развития от изменений на других, а во-вторых, — непосредственной зависимостью темпов совершенствования производственных отношений от состояния всей совокупности конкретных организационно-хозяйственных форм, через которые эти отношения проявляются.

ству, требует для своего высокоэффективного использования выхода организационной структуры кооперации труда за рамки отдельных колхозов. То же самое можно сказать о воздействии современной промышленности на развитие подсобных производств в сельскохозяйственных предприятиях. Подсобные производства, вбирая достижения научно-технического прогресса в целом, все больше перерастают границы обособленности отдельных колхозов. В то же время довольно часто они нуждаются для своего развития в соединении с сельским хозяйством. Развивающееся противоречие между назревшей потребностью оснащения подсобных производств современными техническими средствами и узкими границами колхозов требуют расширения рамок кооперативного присвоения.

Воздействие народнохозяйственного целого на кооперативно-колхозную собственность проявляется через совокупность производственных связей. О разрывании этих связей, росте зависимости сельского хозяйства от потребностей всего народного хозяйства свидетельствует прежде всего факт неуклонного возрастания общесоюзного оборота товарных масс сельскохозяйственного происхождения. Как видно из табл. 1, доля продукции сельского хозяйства, использованной в промышленности, неуклонно возрастает, и соответственно уменьшаются масштабы внутриотраслевого потребления.

По мере усложнения и углубления разделения труда в рамках народного хозяйства связи сельского хозяйства с промышленностью и другими отраслями и сферами приобретают ярко выраженный интегральный характер. Развитие производства в этих условиях все в большей степени определяется межотраслевой и внутриотраслевой увязкой различных его компонентов, мерой достигнутого единства народнохозяйственного целого. Но органическая увязанность различных элементов в сфере материального производства обеспечивается социально-экономической формой, производственными отношениями, формой собственности на средства производства. Естественно поэтому, что нарастание интеграционных процессов в народном хозяйстве усиливает объективную потребность все большего размытия обособленности, свойственной отношениям кооперативно-колхозной собственности. Фактор единства и синхронности связей, производный от развитых отношений общенародного коллективизма, оказывается в новых условиях все более превалирующим над специфическими стимулами групповой обособленности в рамках самого колхозного сектора. Групповые интересы все полнее сливаются с общенародными и от того, в какой мере собственность способствует этому единству, в возрастающей степени зависит прогресс развития сельского хозяйства. Роль групповой обособленности закономерно снижается.

Усложнение производственных связей и нарастание их интеграционных свойств способствуют развитию кооперативно-колхозной собственности и вследствие все большего насыщения колхозного производства компонентами производственных факторов, полученных от общества. Уже продажа колхозам техники, вызванная реорганизацией МТС, в какой-то мере «подорвала» материально-техническую основу существования кооперативной собственности. Дальнейшая индустриализация сельского хозяйства усиливает приток средств производства в сельское хозяйство за счет возрастающего объема капиталовложений, интенсификации связей с промышленностью, обеспечивающей колхозы не только возрастающим количеством машинной техники, но и химическими удобрениями, гербицидами, ядохимикатами, кормами

промышленного происхождения, микробиологическими добавками к кормам и т. д.

Таким образом, уходит в прошлое практика, когда колхозы сами производили для себя значительную часть средств производства. Самообеспеченность преодолевается, а вместе с ней постепенно отходят на задний план причины, вызвавшие к жизни групповую обособленность.

В том же направлении действует возрастающее обеспечение колхозов кадрами, подготовленными обществом для сельского хозяйства на плановой основе. Возрастающий приток механизаторов, агрономов, инженеров и других специалистов в колхозное хозяйство размывает основы группового обособления со стороны субъективного фактора производства.

Таблица 1

**Использование продукции сельского хозяйства
(в ценах колечного потребления соответствующих лет, % к итогу)***

Показатели	1959 г.	1966 г.	1972 г.
Переработано в промышленности	39,6	43,9	52,4
Использовано на производственные нужды в сельском хозяйстве (семена, корма)	21,3	20,7	20,3
Потреблено непосредственно населением (минуя промышленную переработку)	34,8	25,7	24,7
Прочее использование (экспорт, прирост запасов и др.)	4,3	9,7	2,6
Вся продукция	100,0	100,0	100,0

* См. «Вопросы экономики», 1975, № 4, с. 51.

Результат производственной деятельности, т. е. продукт каждого отдельного колхоза, также выступает носителем прежде всего отношений общенародного коллективизма, а не обособленности. И это понятно, поскольку в условиях растущего обобществления производства в каждом отдельном продукте воплощаются плоды труда многочисленных предприятий различных отраслей.

Процесс все большего превращения сельского хозяйства в органическую составную часть народного хозяйства, ускоряющий перерастание кооперативно-колхозной собственности в общенародную, приобретает в современных условиях новые качественные признаки в связи с активным формированием народнохозяйственного аграрно-промышленного комплекса. Этот комплекс охватывает, наряду с сельскохозяйственным производством, наиболее тесно связанные с ним сферы и отрасли экономики: отрасли промышленности, поставляющие сельскому хозяйству технику, продукты химической промышленности (удобрения, ядохимикаты и т. д.), строительные материалы и другие средства производства; отрасли наиболее тесно связанной с сельским хозяйством части народнохозяйственной инфраструктуры (заготовка, транспортировка, переработка, хранение и реализация сельскохозяйственной продукции); сельскохозяйственную науку, подготовку кадров для отраслей аграрно-промышленного комплекса.

В рамках народнохозяйственного аграрно-промышленного комплекса, наряду с традиционными отраслями промышленности, ускоренно формируются новые отрасли (комбикормовая, микробиологическая и др.). Интенсифицируется переход в сферу промышленной

деятельности части процессов, ранее осуществлявшихся в самом сельском хозяйстве (техническое обслуживание, доработка продукции и т. д.).

Разрастание производственных связей происходит и на региональном уровне, т. е. в республиканском, областном, районном масштабах. Это также свидетельствует о подчинении производственной деятельности колхозов интегральным народнохозяйственным зависимостям.

В новых условиях многократно увеличивается число стыков в системе производственных и хозяйственных связей, усложняется сеть зависимостей. Наличие тесной взаимосвязи отраслей и производств приводит к тому, что каждый сдвиг в каком-либо одном звене сопровождается цепной реакцией совокупности смежных звеньев. На этой почве актуализируется необходимость единства в управлении всеми входящими в состав АПК отраслями и предприятиями. Но известно, что организационно-хозяйственное единство предполагает соответствующие изменения в социальной форме присвоения, а именно — усиление общенародного коллективизма за счет преодоления (в целесообразной степени) моментов экономической обособленности, проявляющейся в групповом присвоении средств производства и результатов труда.

В качестве важной народнохозяйственной предпосылки перерастания кооперативно-колхозной собственности в общенародную выступает и социально зрелый механизм хозяйствования развитого социализма. Совершенствование всей хозяйственной системы в направлении социалистически развитой планомерности может успешно осуществляться лишь при достижении единообразного подхода к формированию конкретных организационно-экономических форм во всех сферах экономики. Разнобой, источником которого пока что является повышенная экономическая, а значит, и хозяйственная обособленность первичных звеньев колхозной экономики, препятствует нормализации обмена деятельностью и распределительных процессов не только между государственными и колхозными ячейками, но и внутри каждого из этих секторов народного хозяйства. Специфическое влияние на колхозную собственность оказывает формирующаяся ныне в промышленности новая организационная структура. Совершенствование организации управления влияет на колхозы не только косвенно — через неизбежные прогрессивные сдвиги в планомерности, но и прямо, поскольку объединения нуждаются для нормализации производственных связей в крупных партнерах. Тем самым они способствуют обобществлению производства, а значит, и присвоения.

Наконец, активной предпосылкой формирования благоприятных условий для сближения кооперативно-колхозной и государственной форм собственности является бурное развитие в народном хозяйстве страны информационных систем, обеспечивающих своевременное поступление сведений о нынешних и перспективных потребностях страны в продуктах, представляющих объекты общего в рамках аграрно-промышленного комплекса страны. Такого рода информация — необходимое условие развития планомерности и общенародного коллективизма.

Под влиянием народнохозяйственных предпосылок в колхозном секторе формируются внутренние условия и потребности совершенствования кооперативно-колхозной формы собственности. Особенно мощный толчок многообразным преобразованиям в этом направлении дает процесс становления и развития народнохозяйственного аграрно-промышленного комплекса. Интенсивная интеграция промышленной, сельскохозяйственной и других видов деятельности в масштабе страны возможна лишь при условии органической взаимоувязки, четкого рас-

пределения функций и взаимодополнения различных производств не только в широком народнохозяйственном аспекте, но и в границах колхозного и совхозного производства. Но производства, функционирующие в рамках нынешних многоотраслевых колхозов, не могут быть включены в единый народнохозяйственный комплекс в качестве органически вошедших в него компонентов. В многоотраслевых хозяйствах развитие в значительной мере опосредствуется внутрихозяйственным обменом, и в силу этого моменты производственно-технологической, а значит, экономической обособленности оказываются здесь отчетливо выраженными. Кроме того, производство каждого продукта оказывается в этих условиях мелким, раздробленным, что само по себе крайне затрудняет планомерную увязку компонентов производственной деятельности в масштабе аграрно-промышленного комплекса страны.

Выход из трудностей, создаваемых многоотраслевым развитием колхозов, заключается прежде всего в углублении специализации сельскохозяйственных предприятий. Она дает импульс концентрации, комбинированию, развитию связей кооперации, причем не только по линии «промышленность — сельское хозяйство», но и межколхозных, а также колхозно-совхозных связей.

Развитие кооперационного и интеграционного процессов придает обобществлению производства ярко выраженный интегрированный характер. При этом производственные связи оптимизируются не только в их количественном соотношении, но и с точки зрения их сориентированности на удовлетворение потребностей народнохозяйственного целого. Это усиливает тенденции слияния групповых интересов с общенародными. А разворачивание масштабов и интенсивности общенародного интереса — это, как известно, важнейшее проявление процесса развития общенародной собственности и постепенного стирания элементов группового присвоения. Производственное единство, характерное ранее лишь для обособленных сельскохозяйственных предприятий, приобретает тенденцию постепенно расширяться до масштабов народнохозяйственного аграрно-промышленного комплекса.

Естественно, что социально-экономической стороной подобных изменений неизбежно оказывается развитие планомерности и отношений общенародного коллективизма, что предполагает снятие в тех или иных пределах ограничителей в виде группового присвоения. Экономическая связь, основанная в значительной мере на реализации отношений групповой обособленности, все более вытесняется планомерной формой экономической связи с отчетливо выраженными непосредственными свойствами.

Это находит конкретное выражение в развитии прямых технологических связей сельского хозяйства с промышленностью и различными звеньями инфраструктуры, а также в установлении прямых связей первичных ячеек внутри сельского хозяйства.

Развитие интеграционных процессов в первичных звеньях сельскохозяйственного производства происходит и в связи с совершенствованием материально-технической базы колхозного производства. Быстрому развитию кооперационного процесса особенно способствует внедрение в сельское хозяйство индустриальных методов производства. Система машин, поточная технология и другие, промышленные по своему характеру, методы организации производства требуют для своего высокоэффективного применения укрупнения производства в соответствующих отраслях, а значит, — углубления специализации, развития межхозяйственных связей и других сдвигов, посредством которых осуществляется дальнейшее обобществление сельскохозяйствен-

ного производства. А за обобществлением производства неизбежно следует обобществление в области присвоения, т. е. прогрессивное изменение в отношении кооперативно-колхозной собственности.

Известно, что одной из предпосылок повышенной роли обособления в сельском хозяйстве является зависимость его производственных процессов от не вполне подвластных человеку природно-климатических факторов. При прочих равных условиях это вызывает необходимость относительно повышенной самостоятельности в маневре ресурсами. Мера же хозяйственной самостоятельности в условиях социализма — один из показателей степени относительной экономической обособленности, которая, в свою очередь, выражается в колхозном секторе через моменты группового присвоения.

Научно-техническая революция, все шире распространяясь на сельское хозяйство, позволяет постепенно ослаблять или даже преодолевать отмеченные последствия переплетения экономических процессов с природными. Условия развития растений и животных постепенно начинают регулироваться аналогично процессам в промышленности. А это, в свою очередь, приводит к более жесткой детерминированности производственных процессов экономическими акциями и, следовательно, преодолению моментов неопределенности. В итоге создаются условия для возрастания степени планового управления всей совокупностью сторон производственно-экономической деятельности колхозов, подрываются основы их экономической обособленности.

Влияние развития материально-технической базы сельского хозяйства на процессы сближения и слияния двух форм социалистической собственности идет не только по линии развертывания отдельных тенденций научно-технического прогресса. Первостепенное значение имеет и факт общего подъема производительных сил деревни, общее приближение технического строя сельскохозяйственного производства к промышленному. Уже сейчас научно-технический прогресс в сельском хозяйстве обеспечил мощный рывок производительным силам в сторону всесторонней индустриализации. Подтягивание материально-технической базы сельского хозяйства в целом к уровню промышленных производств означает движение по пути создания благоприятных предпосылок для нарастания общности социально-экономических и хозяйственных процессов в городе и деревне.

В течение последних лет тенденция сближения кооперативно-колхозной и государственной форм собственности отчетливо просматривалась через многообразные изменения в системе производственных отношений² колхозного сектора. Многообразные изменения социально-экономических процессов, происходящие в этом направлении, находили отражение прежде всего в сближении системы звеньев хозяйственного механизма колхозов и совхозов. Можно сослаться в этом плане на тенденцию сближения системы цен на колхозную и совхозную продукцию, установление единой системы материально-технического снабжения, внедрение гарантированной оплаты труда в колхозах и т. д.

Наиболее существенные сдвиги в процессе перерастания кооперативно-колхозной собственности в общенародную происходят на почве совершенствования формы организации колхозного производства, т. е. тех звеньев механизма хозяйствования, которые наиболее полно и непосредственно выражают процесс обобществления.

---

² Напоминаем, что собственность, будучи глубинным сущностным моментом экономической системы, развертывается через всю многообразную совокупность производственных отношений и их конкретных форм.

Решающим фактором, раздвигающим рамки кооперативно-колхозной собственности и поднимающим ее на новую ступень социальной зрелости, является аграрно-промышленный синтез. На его основе, как это неоднократно отмечалось в нашей экономической литературе, происходит такое качественное изменение организационной структуры колхозного производства, которое свидетельствует о формировании в сельском хозяйстве в целом производственных звеньев принципиально нового типа. Функционирование их вызывает необходимость качественного преобразования тех элементов технологических, экономических связей и хозяйственных форм, которые ориентированы на обслуживание группового присвоения отдельными колхозами средств производства и результатов производственно-экономической деятельности.

Потребность совершенствования организационной структуры производства на базе форсированного развития аграрно-промышленного синтеза обусловлена всесторонней индустриализацией сельского хозяйства и дальнейшим обобществлением производства. Под влиянием обоих этих процессов в деревне происходит быстрое развитие тесно связанных с сельским хозяйством промышленных производств. Причем последние опираются на современные индустриальные средства производства, промышленную технологию и квалифицированные кадры. В этих условиях, с одной стороны, промышленные производства не могут вместиться в границы кооперативного обособления даже крупных колхозов, а с другой, — их органическая связь с сельским хозяйством побуждает включать промышленные и аграрные компоненты производственной деятельности в единые организационные структуры. Таковыми и оказываются производственные звенья нового типа, взламывающие границы, сложившиеся на неразвитой сельскохозяйственной основе — внутриколхозной кооперации, и разрешающие тем самым назревшее противоречие между новыми элементами производительных сил и формой группового присвоения.

Аграрно-промышленная интеграция принимает в современных условиях многообразные формы. Характерно, что распространенный ранее путь развития кооперативной собственности — совершенствование организационной структуры на базе концентрации существующих колхозов — оказывается ныне хотя отчасти и приемлемым, но наименее оправданным. И дело не только в том, что размеры хозяйства, оптимальные для сельскохозяйственного производства, оказываются сплошь и рядом недостаточными для связанных с ним промышленных производств и компонентов инфраструктуры. Препятствия исходят и со стороны хозяйственного механизма, приспособленного к обслуживанию мелкого многоотраслевого производства. Речь идет и о чрезмерной разнорентабельности сельскохозяйственных продуктов, которая взаимно компенсируется лишь в многоотраслевых хозяйствах, о и специфике механизма накопления, не обеспечивающего в условиях группового кооперативного присвоения реализацию капитальных вложений, достаточных для решения назревших проблем аграрно-промышленного развития.

Вот почему многогранной проблеме развития агропромышленного комплекса посвящен специальный раздел (V) «Основных направлений экономического и социального развития СССР на 1981—1985 годы и на период до 1990 года», утвержденных XXVI съездом КПСС. Претворение в жизнь исторических решений съезда будет способствовать дальнейшему развитию агропромышленной интеграции, совершенствованию кооперативно-колхозной собственности, последовательному сближению двух форм социалистической собственности в нашей стране.

Л. З. КАЛАНОВА

О ПОВЫШЕНИИ ЭФФЕКТИВНОСТИ ЖИЛИЩНО-КОММУНАЛЬНОГО ХОЗЯЙСТВА УЗБЕКИСТАНА

В материалах XXVI съезда КПСС и XX съезда Компартии Узбекистана подчеркивается, что все наши планы, вся политика партии нацелены на создание лучших условий жизни для советских людей.

В повышении благосостояния трудящихся большую роль призвано сыграть развитие жилищно-коммунального хозяйства. Первостепенное значение имеет дальнейшее расширение жилищного строительства. Только в Узбекистане за годы 10-й пятилетки было построено 27 млн. м² жилья. Это значит, что более 3 млн. человек въехали в новые квартиры или улучшили свои жилищные условия¹.

Значительно повысился уровень благоустройства жилищ, растет обеспеченность городов и сел водопроводом, канализацией, тепло- и газоснабжением; улучшается транспортное обслуживание населения. В ноябре 1977 г. вступил в действие Ташкентский метрополитен. Ташкент стал седьмым городом Советского Союза, жители которого могут пользоваться этим удобным видом транспорта.

Если в 1975 г. газоснабжением было охвачено 2374 населенных пункта УзССР, то к началу 1980 г. — 3169. Отпуск сетевого газа всем потребителям достиг к этому времени 15 365,4 млн. м³, а сжиженного — 202,9 тыс. т (на 24% больше, чем в 1975 г.).

В 11-й пятилетке в республике планируется дальнейший рост жилищного строительства и всего коммунального хозяйства. Так, «по всем источникам финансирования, включая жилищную кооперацию и индивидуальное строительство, намечается ввести 29—30 миллионов квадратных метров общей площади»². Предусматривается строительство жилищ с улучшенной планировкой и отделкой квартир.

В широких масштабах продолжают работы по водоснабжению и канализации городов и райцентров, а также газификации и централизованному теплоснабжению. Особое внимание будет уделено развитию литьевого водоснабжения в сельской местности. В колхозах и совхозах намечено построить около 4 тыс. км водопроводных сетей³.

Однако, как указал в Отчетном докладе ЦК КПУз XX съезду Компартии Узбекистана Ш. Р. Рашидов, в жилищном строительстве и коммунальном хозяйстве республики еще имеются недостатки. Особенно важно повысить эффективность жилищно-коммунального хозяйства на основе ускоренного внедрения научно-технических достижений, дальнейшего улучшения планирования и методов хозяйствования.

Крупным шагом в совершенствовании планирования, управления

¹ «Правда Востока», 1981 г., 4 февраля.

² «Правда Востока», 1981 г., 5 февраля.

³ Там же.

и хозяйственного механизма явилось постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 12 июля 1979 г. «Об улучшении планирования и усилении воздействия хозяйственного механизма на повышение эффективности производства и качества работы».

Этим важнейшим документом, базирующимся на богатом опыте социалистического планирования, результатах проведенных экономических экспериментов и рекомендациях науки, намечен комплекс действенных мер по дальнейшему совершенствованию планирования и управления всей системой хозяйствования. При этом в центр плановой и управленческой деятельности ставится задача рационального использования всех ресурсов народного хозяйства, опираясь главным образом на интенсивные факторы роста, более широкое внедрение в производство научно-технических достижений и передового опыта.

В постановлении партии и правительства основной упор сделан на «выбор наиболее эффективных путей достижения высоких конечных народнохозяйственных результатов, рациональное сочетание отраслевого и территориального развития, перспективных и текущих планов, совершенствования межотраслевых и внутриотраслевых пропорций, обеспечение сбалансированного роста экономики».

Положения этого важнейшего документа в полной мере относятся к сфере жилищно-коммунального хозяйства. Актуальность их еще более возрастает в свете решений XXVI съезда КПСС и XX съезда КПУз.

Так, в постановлении указано на необходимость обеспечения комплексного решения экономических и социальных проблем, концентрации сил и ресурсов на важнейших направлениях, не допуская узкоотраслевого подхода к разработке планов.

Реализация данного принципа применительно к жилищно-коммунальному хозяйству означает прежде всего необходимость более тесной увязки планов развития отдельных подотраслей, например планов газификации с планами электрификации и теплофикации быта. При определении объемов развития отдельных отраслей надо учитывать не только экономическую целесообразность проведения тех или иных мероприятий, но и социальный фактор — улучшение условий быта, сокращение непроизводительных затрат времени и труда в быту, улучшение санитарно-гигиенических условий жизни населения.

Следует также разрабатывать отраслевой план мероприятий по социальному развитию, включающий меры по улучшению условий труда, повышению квалификации и профессионального мастерства работников жилищно-коммунального хозяйства, улучшению жилищных и культурно-бытовых условий их жизни и др.

В интересах дальнейшего развития жилищно-коммунального хозяйства республики необходимо провести централизацию управленческих функций, сосредоточить в едином центре материально-технические ресурсы, что позволит правильно определять очередность строительства (реконструкции) объектов жилищно-коммунального хозяйства, приоритеты тех или иных районов или объектов и в конечном счете повысить эффективность капиталовложений в развитие отрасли.

Важной задачей является и расширение участия научно-исследовательских организаций отрасли в программах Госкомитета СССР по науке и технике, Госстроя СССР по решению важнейших научно-технических проблем, обеспечению комплексного использования природных ресурсов, экономии топлива и металла.

Следует отметить, что НИИ отрасли в настоящее время приступили к решению программы по экономии металла в части совершенство-

вания структуры потребления труб в капитальном строительстве (за счет уменьшения толщины стенок трубопроводов, применения менее дефицитной стали, замены стальных труб на неметаллические, применения новых типов изоляционных покрытий, разработки новых методов и технических средств электрической защиты трубопроводов и др.).

Работы в указанном направлении следует продолжить. Кроме того, целесообразно пересмотреть перспективный план научных исследований по жилищно-коммунальному хозяйству в целях большей координации работ организаций (НИИ, КБ) различных союзных республик, а также определения очередности решения проблем развития отрасли (по степени их эффективности), что также в конечном итоге повысит эффективность работы отрасли.

Постановлением партии и правительства предусмотрено ускорение реализации научно-технических разработок, направленных на повышение темпов роста производительности труда и качества продукции. Применительно к жилищно-коммунальному хозяйству этого можно достигнуть прежде всего путем организации научно-производственных объединений на базе институтов и промышленных предприятий отрасли; установления более тесных связей институтов и КБ с заводами-изготовителями и предприятиями жилищно-коммунального хозяйства через систему договоров о творческом содружестве; разработки и реализации предложений о большей специализации заводов, выпускающих продукцию и новую технику для нужд отрасли; резкого увеличения объемов производства новой техники для жилищно-коммунального хозяйства на предприятиях других министерств и ведомств; строительства специализированных заводов.

Постановление обязывает обеспечить рациональное использование основных фондов, материальных, трудовых и финансовых ресурсов, усиление режима экономии и устранение потерь в народном хозяйстве. Применительно к отрасли это означает, в первую очередь, необходимость изменения порядка планирования и оценки деятельности предприятий жилищно-коммунального хозяйства. С этой целью Академии коммунального хозяйства (АКХ) им. Панфилова следует разработать новую методику составления пятилетних и годовых планов эксплуатационной деятельности жилищно-коммунального хозяйства в отраслевом и территориальном разрезах.

Планы предприятий отрасли надо разрабатывать, не исходя из сложившейся динамики соответствующих показателей за прошлый период (как это делается сейчас на большинстве предприятий), а на основе экономических и инженерных расчетов с учетом системного подхода и использования соответствующих нормативов, большинство из которых уже разработано.

Вводимый постановлением показатель чистой (нормативной) продукции применительно к предприятиям газового хозяйства означает собственно эксплуатационные расходы (без оплаты за полученный газ). Переход на планирование деятельности газового хозяйства по данному показателю не вызовет затруднений, ибо имеется необходимая для этого основа (соответствующие нормативы затрат, штаты, методики расчетов, нормы и т. д.). По другим отраслям жилищно-коммунального хозяйства переход на показатель чистой продукции требует разработки силами АКХ им. Панфилова методики расчета норматива чистой продукции и долгосрочного норматива зарплаты на 1 руб. чистой продукции (включено в план АКХ на 1981—1982 гг.).

Кроме того, предстоит разработать или переработать и внедрить: рекомендации по улучшению использования основных фондов и по бо-

лее широкому внедрению НОТ; систему показателей для сравнительной оценки производственно-хозяйственной деятельности отдельных предприятий; систему премирования за экономное расходование воды, газа, электроэнергии, более совершенные топливоиспользующие и другие устройства с повышенным к. п. д.; нормы расхода сырья, топлива, материалов, воды и газа по отдельным категориям потребителей и направлениям использования.

Весьма важно ежегодно разрабатывать планы повышения технического уровня развития отдельных подотраслей жилищно-коммунального хозяйства; пересмотреть устаревшую нормативно-техническую документацию (стандарты, ТУ); провести оценку технического уровня выпускаемых для отрасли машин, оборудования, приборов, механизмов и т. д.; разработать и осуществить мероприятия по снятию с производства устаревшей техники и повышению технико-экономического уровня изготавливаемых и вновь осваиваемых изделий. В дальнейшем такую оценку целесообразно проводить один раз в три года.

Постановление обязывает обеспечить образование материальных и финансовых резервов в целях пропорционального и сбалансированного развития той или иной отрасли народного хозяйства. Применительно к жилищно-коммунальному хозяйству решение данной задачи означает прежде всего необходимость полного выделения жилищно-коммунальному хозяйству капиталовложений (в том числе на реконструкцию, капитальный ремонт и возобновление основных фондов) и материально-технических ресурсов в соответствии с имеющимися научно обоснованными нормативами и нормами, а также централизацию этих фондов.

Таким образом, наряду с решением ряда организационных вопросов, основными направлениями дальнейшего повышения эффективности работы предприятий и организаций жилищно-коммунального хозяйства республики являются:

- а) совершенствование структуры жилищно-коммунального хозяйства и повышение эффективности капиталовложений;
- б) повышение эффективности использования материальных и трудовых ресурсов;
- в) ускорение темпов научно-технического прогресса;
- г) совершенствование методов планирования и оценки деятельности предприятий отрасли;
- д) совершенствование организационной структуры управления.

Комплексное решение этих вопросов обеспечит дальнейшее развитие жилищно-коммунального хозяйства республики, повышение его эффективности и роли в неуклонном росте благосостояния тружеников городов и сел Узбекистана.

Л. З. Калонова

ЎЗБЕКИСТОНДА УЙ-ЖОЙ КОММУНАЛ ХУЖАЛИГИ САМАРАДОРЛИГИНИ ЮКСАЛТИРИШ ТУҒРИСИДА

Муаллиф, партия ва ҳукуматимиз қарорларидан келиб чиққан ҳолда Ўзбекистон уй-жой коммунал хўжалиги самарадорлигини янада юксалтиришга қаратилган бир қатор таклифлар киритади.

С. И. ВОРОБЬЕВА

ОБЫЧАИ И ТРАДИЦИИ В СИСТЕМЕ СОЦИАЛЬНЫХ НОРМ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА

XXVI съезд КПСС обогатил марксизм-ленинизм новыми выводами и положениями, в том числе по вопросу о факторах, определяющих формы и методы социалистического строительства. Среди них Л. И. Брежнев назвал и национальный уклад. Это понятие охватывает широкий круг национальных особенностей, в частности сложившиеся в конкретной стране обычаи и традиции ее народов.

Народные обычаи и традиции — составные элементы национального уклада, образа жизни народов и наций. Они не играют определяющей роли в общественных отношениях, но и не могут быть игнорированы. Коммунистическая партия всегда занимала и занимает в этом вопросе четкую позицию.

В условиях социализма действуют разнообразные по силе, эмоциональному воздействию, колориту и звучанию социальные нормы. Они регулируют многогранную, богатую по содержанию жизнь социалистического общества и его отдельных членов.

Разветвленную сеть социальных норм социалистического общества принято именовать нормами или правилами социалистического общежития. Их объединяют общая направленность, единая суть, служебная роль, единая идейная и духовная основа. Правила социалистического общежития призваны реализовать социалистические общественные отношения и способствовать решению задач коммунистического строительства, обеспечивать социалистическое общежитие в соответствии с принципами социализма, интересами и запросами советских людей. Идейную основу норм социалистического общежития составляют марксизм-ленинизм, партийные документы, труды классиков марксизма-ленинизма, руководителей партии и государства, партийно-политические нормы, выработанные теорией и практикой коммунистического строительства. Они определяют направление движения, линию развития, политику, стратегию и тактику, необходимые для достижения намеченных целей, и служат надежным ориентиром для формирования и применения всех социальных норм социалистического общества.

Мощным и эффективным средством регулирования общественных отношений являются правовые нормы, закрепленные в Конституции, законах, указах и других нормативных актах государственных органов. Правовые нормы воплощают в себе волю государства, которая аккумулирует основные интересы, чаяния широких народных масс. Разумеется, все аспекты деятельности человека не могут быть охвачены регулирующим воздействием партийно-политических и правовых норм. И в этом нет необходимости. Многие стороны жизни и деятельности людей регулируются нормами морали, обычаями, передовыми

традициями, которые играют немаловажную роль в формировании образа жизни советских людей.

Понятие «обычай» сложилось давно. Исполон веков люди впитывали в себя все лучшее из опыта старшего поколения и передавали его потомкам. Господствующий класс санкционировал наиболее важное и нужное для себя из сложившихся обычаев, и некоторые нормы их обретали форму обычного права. Обычаи действовали наряду с правом и менялись с развитием общества, изменениями в представлении людей. Обычаи складывались у целых народов, классов, социальных слоев, отдельных групп людей. Лучшие обычаи, прогрессивные традиции прошлого были восприняты и творчески освоены социалистическим обществом.

Уже в обращении Совнаркома России «Ко всем мусульманам России и Востока» — одном из первых документов Советской власти указывалось, что верования и обычаи народов будут охраняться всей мощью революции и ее органов, Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов¹. Это заверение Советского правительства последовательно выполнялось на всех этапах развития нашего государства, что полностью отвечает его подлинно народному характеру.

Путь к сердцам и умам народных масс лежит и через уважение их обычаев и традиций. Л. И. Брежнев в книге «Целина» очень метко сказал, что «если живешь в республике, то надо знать обычаи и традиции народа, его историю...»² И далее: «...Важнейший вопрос о национальных традициях и самобытности нельзя упрощать, сводить лишь к этнографии и бытовизму: на Руси — к избам, хороводам и кокошникам, в Казахстане — к юртам и табуно лошадей»².

В последние годы наши исследователи уделяют значительное внимание теоретической разработке вопросов обычаев, традиций, их сущности и роли в жизни социалистического общества. При этом обнаруживаются общие точки зрения и расхождения авторов в толковании этих понятий, что само по себе свидетельствует о необходимости дальнейшего изучения проблемы.

Общим для обычаев и традиций является то, что их нормы складываются исторически, в результате неоднократного повторения поведения. Нормы обычаев и традиций несут в себе определенный, им присущий заряд, идейный смысл. Нам представляется правильным понимание традиции, как тех же обычаев, но имеющих в своей основе идейный смысл, рационализм, одухотворенность, цельность, оправданность, четкую направленность. Так, принято говорить о революционных традициях, а не о революционных обычаях, о традициях реализма в литературе, а не об обычаях реализма в литературе и т. д.

В литературе имеются суждения, отождествляющие социалистические обычаи с правилами социалистического общежития³ или считающие обычаи более широким понятием, чем правила социалистического общежития⁴.

Так, С. И. Вильнянский считает понятия «социалистические обычаи» и «правила социалистического общежития» тождественными⁵.

¹ См. «История Советской Конституции. Сборник документов. 1917—1957 гг.», М., 1957, с. 26.

² Брежнев Л. И. Актуальные вопросы идеологической работы КПСС. Т. 2. М., 1979, с. 507—508.

³ Теория государства и права. М., 1949, с. 424.

⁴ Эта точка зрения М. Гековского анализируется в книге Янко Г. Янева «Правила социалистического общежития» (М., 1980, с. 30).

⁵ См. «Правоведение», 1962, № 4, с. 22.

Большинство авторов справедливо отмечают, что обычай — составная часть правил социалистического общежития. Мы разделяем точку зрения тех исследователей, которые считают, что выражение «правила социалистического общежития» — обобщающее понятие, объединяющее все социальные нормы социалистического общества. Нормы обычая — один из видов социальных норм, правил социалистического общежития.

В обычаях проявляются национальные особенности народов. Поэтому учет национальных особенностей подразумевает и уважительное отношение к подлинно народным обычаям. Коммунистическая партия, руководя жизнью многонационального советского общества, неизменно проводит ленинскую политику сочетания общих принципов социализма с особенностями уровня развития, быта, культуры, психологии, обычаев различных национальностей. Это способствует сплочению народов нашего единого многонационального государства.

В документах совещания представителей коммунистических и рабочих партий, состоявшегося в Москве в ноябре 1957 г., подчеркивалась необходимость творчески преломлять общие закономерности социалистической революции и социалистического строительства с учетом особенностей разных стран и народов⁶.

Роль и место новых, социалистических традиций и обычаев в системе социальных норм советского общества очевидна. Они обогащают жизнь советских людей, способствуют всестороннему расцвету личности, ее духовному развитию, помогают утверждению лучших человеческих качеств — чувств коллективизма, общественного долга, товарищества, дружбы, взаимопомощи, гуманизма, трудолюбия и т. д.

Социальным нормам социалистического общества отвечают издавна бытующие у узбекского и других народов страны традиции гостеприимства, уважения к старшим, заботы о детях и др.

Обычай тесно взаимодействуют с нормами права и морали. Так, право на труд закреплено в Конституции, трудовые взаимоотношения регулируются законодательством. Вместе с тем в трудовых коллективах складывается немало обычаев, которые дополняют правоотношения, обогащают жизнь и деятельность трудовых коллективов. У космонавтов, например, сложилась традиция до и после полета посещать памятник Гагарину и возлагать цветы, у работников аэрофлота — отмечать первый успешный полет поздравлениями, цветами, у шоферов — останавливаться и предлагать свою помощь водителю, у которого испортилась в дороге машина, и т. д.

Всенародной традицией стали ленинские субботники. Газета «Известия» в передовой статье «Традиции великого почина» 17 марта 1981 г. писала, что у нашего народа немало замечательных традиций и одной из самых ярких являются коммунистические субботники, взявшие свое начало с памятного дня 12 апреля 1919 г., когда в депо Москва-Сортировочная Московско-Казанской железной дороги тринадцать коммунистов и двое сочувствующих остались в цехе после рабочей смены и безвозмездно отремонтировали три паровоза⁷. Этот почин, названный В. И. Лениным Великим, стал теперь могучим движением миллионов масс.

В 1969 г., в канун 50-летия Великого почина, передовые коллективы Москвы обратились с призывом провести Всесоюзный коммунистический субботник, посвященный дню рождения В. И. Ленина. С тех

⁶ См. «Документы совещаний представителей коммунистических и рабочих партий, состоявшихся в Москве в ноябре 1957 г.». М., 1957, с. 14—15.

⁷ «Известия», 1981 г., 17 марта.

пор «Красная суббота» проводится как крупное общественно-политическое мероприятие.

В 1981 г. в ней участвовало 154 млн. человек. Средства, заработанные в дни субботников, по решению ЦК КПСС и Советского правительства направляются на улучшение народного просвещения и здравоохранения, дополнительное строительство школ и медицинских учреждений, расширение профессионально-технического образования в городе и на селе.

Но дело здесь не только в экономических результатах. Коммунистические субботники основаны на высокой сознательности и инициативе масс. Они проводятся как праздники труда, с огромным политическим и трудовым подъемом. Трудящиеся идут на субботники с транспарантами, песнями, музыкой. В коммунистических субботниках ярко проявляются сила, размах и значение народной инициативы, ставшей у нас традицией.

Традициями и обычаями богаты народные и государственные праздники. Праздничные дни устанавливаются нормами права, а само проведение праздников регулируется сложившимися обычаями и традициями. Это — торжественные собрания, массовые гуляния, посещение мест революционной, боевой и трудовой славы и т. д. У народов нашей страны есть немало интересного и самобытного при проведении праздников урожая: хосил байрами, сабантуй и др.

Партийные органы, Советы, общественность уделяют большое внимание изучению положительного опыта формирования и пропаганды новых, социалистических обычаев. Так, в 1980 г. бюро Закарпатского обкома КП Украины рассмотрело вопрос «О состоянии и мерах улучшения работы по внедрению в жизнь и быт населения новых гражданских праздников, обычаев и обрядов». Ежегодно в Закарпатье отмечаются ставшие традиционными праздники «Серпа и Молота», «Встреча весны» (в Узбекистане «Навруз»), «Обжинки», «Золотая осень», «Праздник трудовой славы», «День виноградаря и садовода». Бюро обкома обязало редакции газет, комитет по телевидению и радиовещанию обобщить лучший опыт работы по внедрению в жизнь и быт населения новых гражданских праздников, обычаев и обрядов.

В отличие от моральных норм обычаев не отвечают на вопрос — добро это или зло. И вместе с тем в социалистическом обществе не может получить одобрения обычай, который наносит какой-либо ущерб социалистическому образу жизни, нормам нашей морали. С позиции коммунистической морали, интересов строительства коммунистического общества идет процесс шлифовки отдельных норм и обычаев.

У нас принято отмечать знаменательные даты и события в жизни народа, общества, в личной жизни советских людей. В этой связи принято проводить торжественные собрания, увеселительные мероприятия, концерты, соревнования и т. д. Даты и события большого плана отмечаются общественными и государственными организациями или под их руководством. Даты и события личной жизни отмечаются и общественностью, и гражданами.

Нельзя не отметить, что отдельные граждане стремятся придать отмечаемой дате или событию в их личной жизни особо пышный характер, помпезность. В угоду личному тщеславию расточается масса средств и продуктов. Иные семьи годами расплачиваются с долгами, образовавшимися, скажем, в связи с проведением свадебных торжеств. С точки зрения интересов общества и коммунистической морали это не только нескромно и неоправданно, но и вредно, ибо продукты следует рассматривать как государственное, общенародное богатство,

отнюдь не предназначенное для бесцельной порчи и расточительства.

О значимости этого вопроса говорит, например, тот факт, что он был затронут на XXVI съезде Компартии Грузии. В заключительном слове на съезде кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь ЦК КП Грузии Э. А. Шеварднадзе зачитал письмо знатного бригадира одного из колхозов. В нем, в частности, говорилось, что очень уж «мы прирастали к многолюдным, слишком пышным свадьбам и поминкам, проводам в армию и празднованиям дня рождения ребенка. Некоторые люди, а точнее молодежь, полагают, что это идет по традиции. Но это не так! Никакая это не традиция. Никто в наших краях раньше не слышал о ней. На свадьбах и на поминках всегда соблаждалось чувство меры... Никто и никогда не собирал на застолье толпы людей и не выбрасывал на другой день горы съестного. Ведь все это добыто трудом, что называется потом и кровью человека»⁸.

Известно также, что нередко такие застолья выливаются в массовые попойки с негативными, порой тяжелыми последствиями. Очевидно и их отрицательное воздействие на воспитание подрастающего поколения.

Большой воспитательный, эмоциональный заряд несут в себе государственные, революционные и другие общенародные празднества. У нас сложились хорошие традиции, ритуалы проведения этих празднеств, как, скажем, возложение венков к могиле Неизвестного солдата, к братским могилам, к подножию мавзолея В. И. Ленина, к памятникам вождям революции, видным деятелям партии и государства. Как известно, делегации зарубежных стран, выражая добрые чувства к Советскому Союзу, возлагают при посещении СССР венки к мавзолею В. И. Ленина и у могилы Неизвестного солдата. Эти знаки внимания высоко оцениваются партией, государством, народом.

Социалистические традиции и обычаи динамично взаимодействуют с другими нормами социалистического общежития. Известный болгарский теоретик права Янко Г. Янев справедливо подчеркивает, что «неправовые виды социалистических социальных норм, или формы нормативного регулирования общественных отношений... оказывают определенное воздействие на право, на его создание, оставляя свой отпечаток на содержании целого ряда его институтов или правовых норм»⁹.

И действительно, право, рождаясь, опирается на правосознание, правовую идеологию и общественное сознание в целом, в том числе на представления людей, выраженные в нормах обычаев. Янко Г. Янев отмечает также роль неправовых норм в применении права, укреплении социалистической законности.

Сказанное в полной мере относится и к социалистическим обычаям. На их формирование и развитие оказывают воздействие правовые нормы, а обычаи, в свою очередь, влияют на нормы права. Взять, к примеру, издавна существующий в Узбекистане народный обычай хашар (безвозмездная трудовая взаимопомощь родных, близких, соседей, сельчан). Этот древний обычай действует и поныне, но его содержание, характер изменились. Сейчас он принимает форму праздника; товарищи с удовольствием откликаются на призыв принять участие в хашаре, ибо это не только совместный труд, но и радость встречи с друзьями, соседями, и происходит это не в условиях нужды и бедствий, а в обстановке растущего благосостояния людей.

⁸ Шеварднадзе Э. А. Отчет ЦК КП Грузии. Тбилиси, 1981, с. 134.

⁹ Янко Г. Янев. Правила социалистического общежития. М., 1980, с. 18.

Форму всесоюзного, всенародного хашара приняло участие Москвы, Ленинграда, всех советских республик в восстановлении Ташкента после разрушительного землетрясения 1966 г. Когда в 1981 г. близ Ташкента произошло Назарбекское землетрясение, в восстановлении жилых домов и построек приняли участие все районы столицы республики. Правительства СССР и Узбекской ССР выделили значительную сумму для оказания помощи пострадавшим от землетрясения.

Всенародным хашаром любовно называют трудящиеся республики битву за большой хлопок. Ведущие поэты Узбекистана посвятили героическому подвигу хлопкоробов и всех трудящихся Узбекистана, собравших в 1980 г. свыше 6 млн. т хлопка, стихотворение «6 000 000». В нем есть такие строки:

«Древний обычай узбеков недаром
Бед и несчастий остался сильней.
Древний обычай, что назван хашаром,
Он и сегодня сближает людей.
В трудностях поняли люди простые —
Русский крестьянин, дехканин-узбек —
То, что один за сто дней не осплит,
За день осплят сто человек.
Помнит Ташкент, как весной голубою
Он от подземного гула дрожал.
Так не забудь, хлопкороб, что с тобою,
Как и тогда, знаменитый Хашар»¹⁰.

Так эмоционально и образно раскрыта роль народного обычая, глубоко укоренившегося в сознании масс, в трудовых свершениях республики и страны в целом. Этот обычай перекликается с коммунистическими субботниками, с потребностью людей взаимно помогать друг другу. В разных формах он существует и у других народов, способствуя формированию любви к труду, уважительному отношению к труженику, развитию патриотических движений за успешное выполнение и перевыполнение производственных планов и социалистических обязательств трудовыми коллективами. Шефская помощь студентов стройкам, горожан — селу, участие в коммунистических субботниках и воскресниках — это своеобразный хашар в условиях социалистической действительности.

Замечательные трудовые традиции советских людей тесно взаимодействуют с нормами трудового законодательства. Все советские законодательные акты о труде в сущности опираются на лучшие народные обычаи, на чаяния, волю трудовых масс, их отношение к труду, они воплощают в себе самые благородные помыслы людей труда.

Законодательные акты отражают сложившееся общественное сознание, новые, прогрессивные тенденции в развитии трудовых отношений, поддерживают и поощряют новаторство, изобретательство, рационализаторство, наставничество. Они носят волевой, целенаправленный характер и оказывают воздействие на формирование новых, социалистических обычаев и традиций. Эффективность трудового права, как и других отраслей права, в определенной степени зависит от его связей, взаимодействия и взаимопроникновения с нормами обычаев, морали и других неправовых социальных норм. Если бы правовая норма шла вразрез с действующими обычаями, получившими распространение в данном регионе, то успешное применение норм права было бы затруднено. Единство целей, направленности, идейного заряда, глубина и согласованность связей правовых норм с обычаями и другими соци-

¹⁰ «Правда Востока», 1980 г., 5 ноября.

альными нормами неправового характера обеспечивают и эффективность права, и успешное существование и развитие социалистических обычаев.

Итак, социалистические обычаи вместе с другими социальными нормами создают широкий общественный фон, базу, морально-психологический климат для успешной реализации правовых норм. Поэтому одной из задач юридической науки следует признать изучение механизма воздействия права на сознание, на общественные отношения через взаимодействие его с другими социальными нормами, в том числе с социалистическими обычаями и традициями. Эти вопросы приобретают все большее значение в современных условиях. Изучение общественного мнения, действующих обычаев и других неправовых социальных норм, их корней, роли в формировании всесторонне развитой личности, их взаимопроникновения с нормами права становится задачей исключительной важности в интересах неуклонного развития и совершенствования советского социалистического права.

Это отвечает указаниям XXVI съезда КПСС о необходимости совершенствования социалистического образа жизни, формирования нового человека, активного воздействия на «человеческие отношения на производстве и в быту, сложный внутренний мир личности...»¹¹ В решении этих задач наряду с другими социальными нормами важную роль играют многочисленные социалистические обычаи и традиции — замечательное достояние нашего многонационального советского народа, один из действенных факторов динамичного развития общества зрелого социализма по пути к коммунизму.

С. И. Воробьева

**СОЦИАЛИСТИК ЖАМИЯТНИНГ СОЦИАЛ НОРМАЛАРИ СИСТЕМАСИДА
УРФ-ОДАТ ВА АНЪАНАЛАР**

Мақолада Совет жамияти шаронтида урф-одат ва анъаналарнинг роли, уларнинг ривожланган социализм даврида бошқа социал нормалар билан ўзаро алоқаси характерлаб берилди.

---

¹¹ Брежнев Л. И. Отчет Центрального Комитета КПСС XXVI съезду Коммунистической партии Советского Союза и очередные задачи партии в области внутренней и внешней политики. М. 1981. с. 68.

А. Т. МАННАПОВ

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ КУЛЬТУР И ЕГО РОЛЬ В РАЗВИТИИ ФИЛОСОФСКОЙ МЫСЛИ

В современных условиях значительно возрастает интерес к проблемам теории истории культуры. В этой связи надо сказать, что ранее в нашей историко-философской науке не уделялось должного внимания вопросу о роли взаимодействия культур в развитии философской мысли. За последнее время появились работы, в которых намечается определенный подход к данной проблеме, рассматриваются некоторые ее стороны¹. Теоретический материал, накопленный марксистско-ленинской историко-философской наукой, позволяет считать этот процесс одним из важнейших в выявлении общей картины философского развития.

Марксистско-ленинская историко-философская наука, в отличие от других общественных дисциплин, рассматривает культуру главным образом в связи с развитием философско-познавательного процесса. Культура выступает основой, базой формирования и развития философии, которая является ее существеннейшей составной частью.

Философские взгляды, будучи системой наиболее общих воззрений человека на природу, общество и мышление, в целом непосредственно и органически связаны с культурой. «Всякая истинная философия», как отмечал К. Маркс, «есть духовная quintessencia своего времени» и «представляет собой живую душу культуры»². Эта глубокая мысль служит одним из исходных методологических принципов в определении места и роли философии в системе культуры, что немало важно в изучении роли взаимодействия культур в развитии философской мысли.

Взаимодействие культур можно условно рассматривать, отвлекаясь от других сторон общественного развития, как относительно единый, закономерный и все более прогрессирующий процесс. Относительное единство взаимодействия культур проявляется в том, что все народы в своем историческом развитии вступали в культурные отношения с соседними и, в зависимости от внешних и внутренних условий, уровня развитости средств коммуникации,— даже с весьма отдаленными от них народами. Прогресс взаимодействия культур связан с переходом

¹ См.: Конрад Н. И. Запад и Восток. Статьи. Изд. 2. М., 1972; Хайруллаев М. М. Фараби. Эпоха и учение. Ташкент, 1975, с. 3—20, 65—75, 101—116, 331—351; его же. Эпоха Возрождения и мыслитель Востока. Ташкент, 1971 (на узб. яз.), с. 3—90, 285—290; его же. Ф. Энгельс о преемственности в развитии культуры (О культурных связях стран Востока и Запада).— «Общественные науки в Узбекистане», 1970, № 11, с. 25—29; Артановский С. Н. Историческое единство человечества и взаимное влияние культуры. Л., 1967; Чалоян В. К. Восток—Запад. Изд. 2. М., 1979; Сагадеев А. В. Ибн Рушд (Аверроэс). М., 1973, с. 143—168, и др.

² Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 1, с. 105.

народов, стран от одной общественно-экономической формации к другой, а с наступлением нового времени — с интернационализацией всех сфер общественной жизни, являющейся фундаментальной тенденцией общечеловеческого развития.

Эта связь выступает важным аспектом изучаемой проблемы. Основовопложники марксизма-ленинизма показали, что с такой же непосредственной необходимостью, с какой развитие производительных сил обусловило сплочение ранее связанных главным образом этническими узами людей в нации, дальнейшее развитие производства обусловило всестороннее взаимодействие и зависимость наций друг от друга. При этом потребность в обмене ценностями материальной культуры народов дополнялась потребностью в обмене духовными достижениями народов.

Взаимодействие культур различных этнических групп, народностей и наций, с одной стороны, а с другой — тех или иных культурных регионов, происходящее в одну историческую эпоху и между эпохами, в известной мере наблюдается на протяжении всех этапов общечеловеческого прогресса. В этой связи вполне резонно указывать на горизонтальное и вертикальное взаимодействие культур. Первое означает соприкосновение, взаимный контакт различных культур в одной временной плоскости, т. е. в тот или иной исторический период. Вертикальное взаимодействие, или преемственность между культурами, — это восприятие, освоение предшествующей данному этапу культуры; связь, взаимообусловленность настоящего состояния ее с прошлым.

Подразделяя проявления взаимодействия культур, необходимо особо подчеркнуть их неразрывное диалектическое единство, т. е. процесс взаимодействия культур как таковой в своем непосредственном функционировании включает оба этих проявления.

Изучение роли взаимодействия культур в развитии философской мысли с позиций марксистско-ленинской историко-философской науки непосредственно основывается на признании единства мирового социально-культурного и философско-познавательного процессов, что вытекает из единства естественно-исторических закономерностей общественного прогресса³. Отсюда и признание возможности адекватного познания этих закономерностей.

С этих позиций надо подходить и к анализу взаимодействия культур Запада и Востока.

Игнорируя выдающиеся успехи народов Востока, которых они добились под влиянием главного события XX в. — Великой Октябрьской социалистической революции — прежде всего достижения республик Советского Востока, азиатских стран социализма, молодых восточных государств социалистической ориентации, буржуазные идеологи продолжают всячески оперировать европоцентристскими, а также восточноцентристскими концепциями. Классовая обусловленность этих в

³ В этой связи небезынтересно вспомнить статью М. К. Петрова «Предмет и цели изучения истории философии» («Вопросы философии», 1969, № 2, с. 126—135), подвергнувшую справедливой и принципиальной критике со стороны советской философской общественности. Автор необоснованно выступал за «тоталитарную» перестройку утвердившегося у нас изложения истории философии, против идеи единства мирового философского развития и т. д. В редакционной статье журнала «Коммунист» (1970, № 3, с. 77) совершенно справедливо указывалось, что «дискуссия вокруг точек зрения, подобных тем, которые выдвинуты в статье М. К. Петрова, отнюдь не стимулирует поиски глубоких решений действительно важных проблем, а отбрасывает назад, вынуждая бесцельно тратить силы и энергию, вновь и вновь исправлять явные ошибки и подтверждать положения, давно уже выработанные и обоснованные марксистской философией».

корне антинаучных концепций экономическими и идеологическими интересами буржуазии капиталистических государств и развивающихся стран не вызывает сомнений. С точки зрения предмета нашего изучения в этом видно игнорирование многовековых взаимосвязей между Востоком и Западом. Реакционность и полная несостоятельность европоцентристских и востокоцентристских истолкований культуры, взаимодействия культур и развития философской мысли убедительно доказаны марксистско-ленинской философией и теорией культуры. Общественно-экономические и социально-культурные закономерности развития Востока и Запада едины в своей основе.

Однако это не означает игнорирования национальных, региональных особенностей в развитии философии, культуры в целом. «Марксистско-ленинская наука,— пишет М. М. Хайруллаев,— не отрицает самобытности и оригинальности философских систем отдельных стран и народов. Напротив, она предполагает их, опирается на них. Всемирную историю философии нельзя создать вне истории философии различных народов, нельзя создать историю философии отдельных стран в отрыве от всемирного историко-философского процесса»⁴.

Культура как многогранный и сложный феномен, присущий каждому обществу и народу, имеет ряд функций. Взаимодействие культур, осуществляясь в сложной обстановке классовых, национальных и иных отношений, является прежде всего выражением коммуникативной функции культуры. Причины, обуславливающие взаимодействие культур, принадлежат к числу их неотъемлемых свойств. В историческом развитии культурные взаимоотношения различных обществ, народов базируются на экономическом уровне их развития. Ф. Энгельс указывал на «взаимодействие на основе экономической необходимости, в конечном счете всегда прокладывающей себе путь»⁵.

Внутренние потребности к взаимодействию с другими культурами определяются непосредственными или опосредованными запросами развития производительных сил, общественно-экономическими и социально-культурными факторами развития общества, народа. Но изменения производительных сил, определяя процессы, идущие в сфере материальной жизни, в целом не могут быть поставлены в непосредственную связь со всеми процессами, происходящими в духовной культуре. Известное исключение составляют естественные и технические науки, прогресс которых в той или иной степени всегда связан с развитием производительных сил.

В процессе взаимодействия культур немаловажное место принадлежит контактам в области философии, т. е. философия как существенная сфера духовной культуры выступает сообразно потребностям социального и культурного развития народа, региона важнейшим компонентом этого процесса. Немаловажный момент рассматриваемого вопроса — относительная самостоятельность философии как определенной области духовной культуры. Ф. Энгельс писал, что «как особая область разделения труда, философия каждой эпохи располагает в качестве предпосылки определенным мыслительным материалом, который передан ей предшественниками и из которого она исходит.. Преобладание экономического развития в конечном счете также и над этими областями для меня неоспоримо, но оно имеет место в рамках условий, которые предписываются самой данной областью: в философии, например, воздействием экономических влияний (которые опять-

⁴ Очерки истории общественно-философской мысли в Узбекистане. Ташкент, 1977, с. 4.

⁵ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 39, с. 175.

таким образом оказывает действие по большей части только в своем политическом и т. п. выражении) на имеющийся налицо философский материал, доставленный предшественниками. Экономика здесь ничего не создает заново, но она определяет вид изменения и дальнейшего развития имеющегося налицо мыслительного материала, но даже и это она производит по большей части косвенным образом, между тем как важнейшее прямое действие на философию оказывают политические, юридические, моральные отражения»⁶.

На каждом этапе исторического развития идет процесс осмысления, усвоения и «отрицание как момент связи, как момент развития, с удержанием положительного»⁷ из предшествующего идейного материала, будь он собственный, т. е. выработанный в ходе своей истории, или «чужой», являющийся достоянием прошлого другого народа. Это происходит также в виде непосредственного соприкосновения различных национальных или региональных философий. Подлинно значимые идеи не остаются лишь на почве той философии, в которой они возникли, а, как правило, становятся достоянием философии других народов и регионов, в известных условиях обретают всеобщий характер благодаря своей общечеловеческой значимости, взаимодействию. Философские идеи, принадлежащие одной культуре, воспринимаются, осваиваются другой культурой в зависимости от наличия потребности в них в недрах данной культуры, обусловленной ее общественно-экономической, социально-культурной действительностью. Преемственность и непосредственно-горизонтальное взаимодействие наблюдаются как в прогрессивной, так и в реакционной философской мысли. Отправным мыслительным материалом выступают те идеи, системы и теории, которые представляли (или представляют) это направление в идейно-теоретической области прошлого (или настоящего).

К. Маркс, Ф. Энгельс и В. И. Ленин в своих работах отмечали преемственную связь и взаимодействие между различными национальными философскими школами. В целом преемственность и непосредственное взаимодействие рассматриваются ими как существеннейшие компоненты развития философии. К. Маркс и Ф. Энгельс, например, указывая на истоки, идейную связь французского материализма с собственной и английской философской мыслью, писали: «Выражаясь точно и прозаически», существуют *два направления французского материализма*: одно ведет свое происхождение от Декарта, другое — от Локка. Последнее направление материализма составляет, по преимуществу, французский образовательный элемент и ведет прямо к социализму. Первый, механистический материализм вливается во французское естествознание в собственном смысле слова»⁸. Ф. Энгельс, отмечая идейную связь между французским просветительством и английской философской мыслью, писал: «А что касается *идей*, которые французские философы XVIII века, Вольтер, Руссо, Дидро, Д'Аламбер и другие, сделали столь популярными, то где первоначально зародились эти идеи, как не в Англии! Никогда не следует допускать, чтобы Мильтона, первого защитника царевубийства, Алджернона Сидни, Болингброка и Шефтсбери вытеснили из нашей памяти их более блестящие французские последователи!»⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс неоднократно подчеркивали теоретическую преемственность между своими

⁶ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., с. 37, с. 419—420.

⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 207.

⁸ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 2, с. 139.

⁹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 4, с. 386.

общественно-философскими воззрениями и классической немецкой философией, французско-английским социал-утопизмом¹⁰.

В. И. Ленин, отмечая большую значимость преемственности в идейно-теоретическом развитии, писал, что «в борьбе средневековых номиналистов и реалистов есть аналогии с борьбой материалистов и идеалистов, но и аналогии и исторически-преемственную связь можно установить еще со многими и многими теориями, вплоть не только до средних веков, но и до древности»¹¹. Ленинская периодизация русско-го освободительного движения и соответствующего ей развития перестройки общественно-философской мысли от декабризма к народничеству и от нее к марксизму выявляет глубокие корни, обуславливающие эти этапы, и служит неосценимым методологическим принципом в понимании идейного взаимоперехода и взаимодействия между ними¹². В. И. Ленин указывал на значение культурно-философского, идейно-теоретического общения между Западной Европой и Россией и в этом плане отмечал выдающуюся роль факта превращения марксизма в идеологию, мировоззрение российского пролетариата¹³.

В культуре и философии каждого народа, как правило, можно найти элементы культуры другого народа, других регионов. Если эти элементы нашли благоприятную основу и прочно вошли в систему данной культуры или «отождествились» с ее однотипными элементами, приняв новую, в основе своей самобытную форму,— значит, эти взаимовыработанные идеи, теории, навыки и т. д. были чем-то нужным, обладали определенной значимостью. То, что те или другие культурно-философские элементы усвоены, наглядно показывает их ценностное признание. Отсюда следует, что для проявления содержания культурно-философского взаимодействия характерно устойчивое наличие ценностной ориентации, ценностного восприятия, т. е. роль аксиологической функции культуры здесь весьма существенна.

Взаимодействие в культуре и философии выражается в переносе и заимствовании, синтезе и «внедрении» и т. д. культурно-философских элементов, достижений различных народов. Это весьма емкие, многосторонние и разнообразно проявляющиеся диалектические процессы. Здесь важно вспомнить указание В. И. Ленина на различные выражения взаимодействия, связи между народами, в частности на добровольные и насильственные их проявления. «Разрыв насильственной связи означал усиление добровольной экономической связи, усиление культурной близости, усиление взаимоуважения между... народами»¹⁴.— писал он. В. И. Ленин усматривал в претворении в жизни общества социалистических, последовательно демократических принципов важнейшее условие установления подлинно добровольных связей между народами.

Известно, что перенос и заимствование обуславливаются главным образом определенными объективными предпосылками, существующими в самой реальной действительности. Прежде всего необходимы определенное соотношение уровней общественно-культурного развития вступающих в связь народностей, наций и та или иная степень «общности», некоторое соответствие элемента, переносимого из другой культурной среды, заимствующей его культуре.

¹⁰ См.: Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., с. 21, с. 269—317; т. 22, с. 294—320.

¹¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 25, с. 37.

¹² См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 21, с. 255—262.

¹³ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 41, с. 7—8.

¹⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 25, с. 69.

В процессе исторического развития общество вбирает или не вбирает в себя культурные влияния извне, исходя из того, совпадают или не совпадают они с внутренними потребностями и тенденциями его развития. Причины переноса, заимствования или отказа от них следует искать не в какой-либо одной области культуры, а в общем укладе общественной жизни. Например, в конце XIX — начале XX в. выдающиеся среднеазиатские просветители: А. Донниш, Фуркат, Мукими, Анбар Атын, Хамза и др. — призывали народ к овладению передовой культурой, идейно-философскими достижениями русской, а через нее — европейской цивилизации. Это диктовалось не только их субъективными идейными устремлениями, а имело глубокие социальные корни, выражало внутренние потребности и тенденции прогрессивного развития среднеазиатских народов. Социально-экономической предпосылкой становления их просветительских идей выступали интересы широких народных масс. Восприятие достижений прогрессивной культуры России, по их мнению, должно было способствовать просвещению народа, облегчению условий его жизни.

Иных позиций придерживались представители феодально-клерикальной идеологии, отражавшей интересы эксплуататорской верхушки — феодалов и мусульманского духовенства. Выразители этого идейного течения (Адо, Хизани, Мухи и др.), тесно связанные с консервативными кругами, высказывали отрицательное отношение к культурным и научным достижениям русско-европейской цивилизации. Представители консервативно-религиозных, феодальных кругов, панисламисты, пантюркисты, формировавшаяся национальная буржуазия, правое крыло джадидов выступали единым фронтом против просветителей-демократов. Таким образом, в общественно-философской мысли Средней Азии конца XIX — начала XX в. шла острая идейная борьба, в том числе по вопросу об отношении к культуре России¹⁵.

Один из важных аспектов рассматриваемой проблемы — выявление линий направления взаимодействия в философском развитии. Существование линии взаимодействия вообще, преемственности, в частности, в развитии историко-философского процесса вызвано прежде всего становлением и развитием философской мысли каждого народа, региона в условиях более или менее тесного идейного общения с другими народами, регионами. Как известно, философия античной Греции и Рима формировалась в определенной связи с древневосточными воззрениями¹⁶. В эпоху средневековья, когда на Западе безраздельно господствовала религия и философская мысль там испытывала сильнейшее давление со стороны феодально-клерикальной реакции, свое дальнейшее развитие на основе древней, греко-римской мысли она получает на Ближнем и Среднем Востоке. В этом плане весьма важно указание Ф. Энгельса на значение средневековой естественнонаучной и философской мысли народов Ближнего и Среднего Востока в идейно-теоретической подготовке итальянского Возрождения и материализма XVIII в.¹⁷

Таким образом, можно проследить линию взаимодействия, преемственности, идущую от греко-римской к ближне- и средневосточной

¹⁵ См.: Муминов И. М. Из истории развития общественно-философской мысли в Узбекистане. Конец XIX и начало XX в. — Муминов И. М. Избранные произведения в 4-х томах, т. 2, Ташкент, 1976; Вахидов Х. П. Просветительская идеология в Туркестане. Ташкент, 1979, и др.

¹⁶ См.: Асмус В. Ф. Античная философия. Изд. 2. М., 1976, с. 3—12; Лосев А. Ф. История античной эстетики. Ранний эллинизм. М., 1979, с. 23; Античность и античные традиции в культуре и искусстве народов Советского Востока. М., 1978.

¹⁷ См.: Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 345—346.

философии, затем — к философии так называемой мусульманской Испании и через латинских аверроистов — к странам Запада. Как справедливо отмечает Г. Лей, «идеологическое развитие средневековья ведет от Аристотеля не к Фоме Аквинскому, а через Ибн Сину, Ибн Рушда, латинских аверроистов и крестьянско-политические ереси к материализму нового времени и, в конечном счете, к диалектическому материализму»¹⁸.

Диалектический материализм, философия марксизма возникла непосредственно на основе западноевропейского интеллектуального развития, а затем она поднимается на качественно новую ступень своего развития — ленинизм, сформировавшийся в России конца XIX — начала XX в.

Сказанное свидетельствует, во-первых, об огромной роли культурно-философского, идейно-теоретического взаимодействия; во-вторых, — о закономерности развития философии в направлении научно-материалистического, марксистско-ленинского мировоззрения, в котором органически синтезированы лучшие достижения развития мировой философской мысли. В свою очередь, вследствие закономерно развивающегося культурного взаимодействия между народами марксистско-ленинское учение стало достоянием всех народов мира и играет исключительную роль в их общественно-философском развитии.

Все это убедительно говорит о единстве основных процессов прогрессивного культурного и философского развития Запада и Востока, значимости культурного взаимодействия в развитии философской мысли.

А. Т. Маннопов

МАДАНИЯТЛАРНИНГ ЎЗАРО ТАЪСИРИ ВА УНИНГ ФИЛОСОФИК ФИҚРЛАРНИНГ РИВОЖЛАНИШИДАГИ АҲАМИЯТИ

Мақолада турли халқлар маданиятларининг ўзаро таъсирининг баъзи назарий аспектлари ва унинг философфик фикрларининг ривожланишидаги аҳамияти ҳақида фикр юритилади.

---

¹⁸ Лей Г. Очерки истории средневекового материализма. М., 1962, с. 34.

К. ШАНИЯЗОВ

О РОЛИ КАРЛУКСКОГО КОМПОНЕНТА В ЭТНОГЕНЕЗЕ УЗБЕКСКОГО НАРОДА*

Узбекская народность сформировалась на сложной этнической основе. Помимо древних автохтонных племен и народов Средней Азии (согдийцев, бактрийцев, хорезмийцев, ферганцев, саков, массагетов, тохаров и др.), в ее генезисе участвовал и ряд других компонентов древнего и раннесредневекового периода (усун, канглы, аргын, тюргеши, кипчаки и др.), принадлежавших в прошлом к различным этнокультурным средам и племенным союзам. Большую роль в этом процессе сыграли карлуки, оказавшие значительное влияние и на сложение узбекского литературного и разговорного языка.

Основная масса средневековых карлуков постепенно входила в состав оседлого тюркоязычного населения Среднеазиатского междуречья. Некоторая часть карлуков сохраняла отдельные черты традиционного быта вплоть до конца XIX — начала XX в. Они жили разбросанно в ряде селений на территории нынешних Ташкентской, Самаркандской, Бухарской, Кашкадарьинской, Сурхандарьинской областей Узбекистана¹ и южных районов Таджикистана². Значительные группы их были расселены и в районах Северного Афганистана³.

На территории Бухарского оазиса в прошлом жили также потомки одного из родственных карлукам племен — халаджи. Они давно слились с оседлым тюркоязычным населением; лишь небольшая группа их вплоть до начала XX в. помнила, что принадлежала к племени халадж. Группа халаджей (самоназвание — халач) жили также в пяти кишлаках, расположенных в низовьях Кафирнигана (ТаджССР)⁴. Кроме того, в бассейне среднего Зарафшана, в Бухарском оазисе и верховьях Кашкадарьи жили группы оседлого населения, которые назывались карахани. Видимо, это были остатки разноплеменного населения караханидского периода (середина XII в.), в политической жизни которого карлуки играли ведущую роль.

Карлуки были носителями «йекающего» диалекта. Один из диалектов современного узбекского языка именуется карлукским и подразделяется на ряд говоров: ферганский, ташкентский, джизакский,

* Печатается в порядке обсуждения вопросов, затронутых в статье: Алексеев В. П., Аскарлов А. А., Ходжайов Т. К. Некоторые проблемы комплексного изучения этногенеза узбекского народа. — «Общественные науки в Узбекистане», 1980, № 11, с. 26—34.

¹ Подробно о расселении карлуков на территории нынешнего Узбекистана в конце XIX — начале XX в. см.: Шаниязов К. Узбеки-карлуки. Ташкент, 1964, с. 37—44.

² Кармышева Б. Х. Очерк этнической истории южных районов Таджикистана и Узбекистана. М., 1976, с. 79—83.

³ Шаниязов К. Ш. Указ. соч., с. 36—37.

⁴ Кармышева Б. Х. Указ. соч., с. 83.

самаркандский, бухарский и др.⁵ Карлукский диалект широко распространен в селениях и городах Кашкадарьинской⁶ и Самаркандской областей, а также в южных районах Таджикистана. На карлукском диалекте говорили группы узбеков Северного Афганистана⁷.

Как видим, география распространения карлукского диалекта во многом совпадает с районами их расселения в центральных областях Средней Азии в раннесредневековый и средневековый периоды. Это, на наш взгляд, подтверждает важную роль карлукского компонента в этнической истории узбекского народа.

Не останавливаясь подробно на вопросах происхождения и продвижения карлуков, считаем нужным указать лишь на основные этапы их этнической истории, процессы вхождения в этническую среду автохтонного населения и участия в сложении узбекской народности.

Карлуки — племя алтайского происхождения. На территории Средней Азии они появились еще в VI в. н. э.

Вначале карлукский племенной союз состоял из трех крупных племен (уч-огуз), среди которых самым многочисленным было племя чигил. В результате непрерывной борьбы с Западным и Восточным каганатами (VI—VII вв.) первоначальный союз карлукских племен распался и образовался ряд новых племенных объединений, носивших название карлук: 1) объединение карлуков, расселившихся в верховьях Иртыша, в Южном Алтае, Тарбагатае и Джунгарии; 2) в районах Хангайского хребта и Танну-Ола; 3) в Кашгаре, Яркенде и в районе Хотана; 4) в Тохаристане, куда они мигрировали еще в VI—VII вв.⁸

Постепенно усилившись, карлуки одержали победу над тюрگешами и в 766 г. овладели «бывшими землями десяти родов», т. е. землями, принадлежавшими ранее Западнотюркскому каганату. Столицей карлукских ханов стал г. Суяб. Таким образом, карлуки оказались обладателями обширных территорий от района оз. Балхаш и Джунгарского Алатау до Сырдарьи, включая значительную часть Ферганской долины. Некоторые группы их проникли и за Сырдарью. О расселении карлуков в Семиречье, особенно в долинах Чу и Таласа, говорится в сочинении VIII—X вв. «Танхуйяо»⁹. Довольно компактная группа карлуков жила в Ферганской долине. Первые отряды их проникли сюда, видимо, еще в VI в., а в VII в. число их здесь заметно увеличилось за счет притока новых групп карлуков-чигилей. В 30—40-е годы VIII в. владельцем Ферганы был Арслан-бег из карлукского племени чигил¹⁰. При нем карлуки владели почти всей территорией Ферганской долины.

В середине VIII в., воспользовавшись ослаблением Арслан-бега, воевавшего тогда с тюргешским правителем Тараза, арабы нанесли карлукам серьезное поражение. Последние вынуждены были уходить из южных, западных и центральных районов Ферганы в ее восточную

⁵ Шоабдурахмонов Ш. Узбек шевалари ва уларни ўрганиш ҳақида умумий маълумот.— В кн.: «Узбек халқ шевалари лугати», Тошкент, 1971, 397—404-бетлар.

⁶ Жураев Б. Юқори Қашқадарё ўзбек шевалари. Тошкент, 1969, 11, 105, 111-бет; Шерматов А. Ш. Узбекские народные говоры Кашкадарьинской области. Ташкент, 1978, с. 12—22 и след.

⁷ Лигети Л. О монгольских и тюркских языках и диалектах Афганистана.— В кн.: *Acta Orientalia. Academiae Scientiarum Hungaricae. Regiget L. Ligeti, Tomus IV, Budapest, 1954, p. 93—145.*

⁸ Подробно об этнической истории и расселении карлуков в раннесредневековый период см.: Шаниязов К. Ш. Узбеки-карлуки, с. 13—31.

⁹ Зуев А. Ю. Тамги лошадей из восточных княжеств.— Труды Института истории, археологии и этнографии АН КазССР, т. 8, Алма-Ата, 1960, с. 126.

¹⁰ Полное имя и титул его — Арслан Эль Тиргюк Алп Бургчан Алп Таркан бег. См.: Бернштам А. Н. Древняя Фергана. Ташкент, 1949, с. 25, 26, 38.

часть — междуречье Нарына и Карадарьи, а столица их была перенесена в г. Кашгар.

Однако не все карлуки под натиском арабов ушли из равнинной части Ферганы. Отступили только правящая знать и богатые кочевые скотоводы. А бедные слои карлуков, находясь в течение почти двух столетий в окружении древнеземледельческого населения и под влиянием последних, переходили к оседлости, становились жителями городов и селений и, таким образом, консолидировавшись с местным тюркоязычным пластом, закладывали основу формирования раннесредневековых предков ферганских узбеков.

По всей вероятности, карлуки, расселившиеся в Яркенде, Хотане, Кашгаре и других районах Восточного Туркестана, а также в междуречье Нарына и Карадарьи, в IX — первой половине X в. составляли единое этнополитическое объединение, правитель которого находился в зависимости от джабгу карлуков Семиречья. Эту обширную территорию карлуки удерживали в своих руках до середины X в., т. е. до прихода к власти династии караханидов, которая образовалась именно там (в междуречье Нарына — Карадарьи и в Кашгарии), где, как указывалось выше, были расселены карлукские племена.

Хотя источники дают нам представление об обширности владений карлуков, однако в данном случае под «владениями карлуков» подразумеваются не только земли, на которых жили карлуки и родственные им племена (чигил, халаджи, ягма и др.), но и местное оседлое население оазисов, а также остатки племенных объединений дулу, нушиби, тюргеши и др., кочевавшие от Джунгарского Алатау и Тарбагатай на севере до берегов средней и верхней Сырдарьи на юге.

Основная же масса карлуков в VIII—IX вв. жила в бассейнах Таласа и Чу¹¹, к юго-западу от Иссык-куля¹² и к северу от этого озера, до среднего течения р. Или включительно. Они жили также к югу от Иссык-куля, по обоим склонам Тянь-Шаня¹³, в Фергане¹⁴, Исфиджабской (нынешней Чимкентской) области, а также в Ташкентском оазисе¹⁵. Значительная группа карлуков и других тюркских племен прошла на левый берег Сырдарьи до бассейна Зарафшана, где уже в середине VIII в. некоторая часть их вела оседлый образ жизни.

Автор «Худуд ал-алем», говоря о районах расселения карлуков, отмечал: «Эта область (халлухов) — заселенная и самая богатая среди всех тюркских областей. В ней есть проточные воды, а климат умеренный. Из нее вывозят различные меха. Они люди общительные, добронравные и приятные... В этой [области] есть города и деревни. И халлухи частью охотники, частью земледельцы и частью пастухи [кочевники]. Доход их от овец, лошадей, [а также] от различных мехов. Люди они воинственные...»¹⁶ Далее приводятся названия более 20 родов и крупных населенных пунктов, принадлежавших карлукам.

Из сведений «Худуд ал-алем» нельзя не заметить, что в среде карлуков происходили классовое расслоение и дальнейшее развитие феодальных отношений. Очевидно также, что значительная часть карлу-

¹¹ Худуд ал-алем. Рукопись Туманского, с введением и указателем В. В. Бартольда. Л., 1930, л. 136.

¹² Там же, л. 176, 186.

¹³ Там же, л. 16а, 18а.

¹⁴ Бичурин Н. Я. (Иакниф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. I. М., 1950, с. 229; Т. II. М., 1950, с. 329; Т. III. М., 1953, с. 213—216.

¹⁵ Риттер К. Земледелие и география стран Азии, находящихся в непосредственных сношениях с Россией. Восточный Туркестан. Вып. II. СПб., 1873, с. 202.

¹⁶ Материалы по истории киргизов и Киргизии. Вып. I. М., 1973, с. 42.

ков под влиянием местного оседлого населения перешла к оседлости и занималась земледелием. Среди них было немало ремесленников и торговцев.

Карлуки, находясь длительный период в окружении оседлого населения Мавераннахра и Семиречья, не только восприняли его культуру, но и сами оказали определенное влияние на культурную жизнь как оседлого, так и полукочевых, кочевого населения центральных районов Средней Азии. Во-первых, под влиянием оседлой, более культурной части карлуков многие кочевые и полукочевые группы племен постепенно переходили к оседлости, воспринимая традиционную культуру местного населения; во-вторых, карлукский «йекающий» диалект¹⁷ получил широкое распространение как среди местного оседлого населения, так и среди определенного круга кочевых и полукочевых племен. В результате уже к середине IX в. в некоторых областях Мавераннахра и Семиречья сложился единый для этого региона как разговорный, так и литературный тюркский язык.

Между саманидами и государством карлуков (как ранее — между арабским наместничеством и карлуками) хотя и существовала определенная граница, но четкого разграничения в современном смысле не было. Если кочевые тюркские племена из районов северной Сырдарьи приходили мирным путем, то они свободно поселялись в Мавераннахре и получали от местных властей пастбища и места зимовок. Такое мирное переселение происходило, например, в 60—70-х годах IX в., сразу же после установления власти карлуков в Семиречье. В этот период в Среднеазиатское междуречье мигрировали аргу, тухсы, аз, канглы и др., не желавшие подчиниться власти карлукских правителей. В дальнейшем приток тюркских племен в Мавераннахр постоянно увеличивался. Те группы кочевых племен, которые принимали мусульманство, легко могли поселиться в присырдарьинских степях, а также в оазисах Среднеазиатского междуречья¹⁸. Многие военачальники и правители отдельных областей как при арабах, так и при Саманидах были из тюрков¹⁹. Они приходили служить не только со своими семьями, родами, но в ряде случаев и со своими племенами.

В самом Мавераннахре, в Хорезме и Ташкентском оазисе с древнейших времен проживало как оседлое, так и кочевое и полукочевое тюркоязычное население.

Оседлое тюркоязычное население было расселено главным образом в Ферганской долине и в бассейне среднего и нижнего Зарафшана, а также в южных районах нынешнего Узбекистана. Оно постоянно пополнялось за счет оседания кочевых тюркских племен, живших в самом Мавераннахре и в Хорезме или мигрировавших из областей Семиречья. О переселении значительной группы тюркского населения из районов Туркестана и постоянном оседании их в Бухарском оазисе еще в VI в. н. э. рассказывал в своем труде Наршахи²⁰. Определенные группы тюркских племен (тюргеши, аргу, тухсы и др.) жили оседло в районе среднего течения Зарафшана еще в VI—VII вв. Часть карлуков, чигилей, халаджей и огузов, поселившихся в этих районах в VII в., также переходили к оседлости. В VIII в. в Фергане имелись

¹⁷ Шониёзов К. Қарлуқ қабиләси ва унинг тили ҳақида айрим мулоҳазалар.— В кн.: «Адабиётшунослик ва тилшунослик масалалари», 4-китоб, Тошкент, 1962, 481—490-бетлар.

¹⁸ Материалы по истории туркмен и Туркмении. Т. I. Л., 1938, с. 184.

¹⁹ Материалы по истории киргизов и Киргизии. Вып. 1, с. 53, 55 и след.

²⁰ Абу Бакр Муҳаммад ибн Жаъфар Наршохи. Бухоро тарихи. Тошкент, 1966, 15—16-бетлар.

сильные карлукские элементы. В этот же период значительная группа карлуков жила в Ташкентском оазисе по соседству с огузами²¹. В Хорезме еще в первых веках нашей эры была расселена значительная группа тюркоязычного племени печенегов. Большая часть их была оседлой. Однако определенные группы их продолжали кочевать вплоть до X в. в районах между Сарыкамышем и нижним течением Амударьи²². Другая группа их жила в среднем течении Сырдарьи в составе огузов²³.

В то же время значительная группа согдийского населения в VI—VIII вв. проживала в Семиречье²⁴. Они были расселены в городах и селениях, находившихся на торговом пути, идущем из Передней Азии в Китай. Согдийцы жили в окружении тюркского населения и поддерживали с ним тесные культурно-экономические контакты. Это способствовало ассимиляции семиреченских согдийцев с тюрками²⁵. Еще в IX в. Махмуд Кашгарский писал, что в Баласагуне²⁶ «живет группа людей, называющих себя Сугдак, которые переселились из Согда, [области], расположенной между Бухарой и Самаркандом, они даже отюречены»²⁷.

Итак, процессы сближения и взаимного слияния согдийцев с тюрками и наоборот шли не только в пределах Мавераннахра, Хорезма, но и в северных областях Средней Азии, а главным образом в Семиречье и в Восточном Туркестане.

В ходе длительного этнокультурного процесса, начавшегося еще в древние времена, как в Мавераннахре, Хорезме, так и в областях к северу от Сырдарьи, образовался определенный пласт оседлого тюркоязычного населения. В дальнейшем его состав пополняется все новыми группами переходивших к оседлости тюркоязычных племен, а также тюркизированных в языковом отношении групп согдийского и хорезмийского населения. При этом этнокультурные и экономические контакты согдийского и тюркского населения осуществлялись не только в Мавераннахре и прилегающих к нему северо-западных районах, но и в областях Семиречья.

Судя по сообщениям «Худуд ал-алем», Ауфи, а также сведениям Н. Я. Бичурина, каждое карлукское племя Семиречья имело в своем составе несколько родовых объединений (колен), которые подразделялись на множество родов и более мелких подразделений. Во главе родовых объединений (колен) стояли эльтиберы, а родовых общин — беги.

Все карлукские племена объединялись в крупный племенной союз во главе с выборным вождем, который носил титул ябгу (джабгу), а его помощник — кудеркин²⁸. Такая нерархическая лестница существовала в карлукском обществе до середины VIII в. Возможно, к этому времени относится высказывание Абу-л Газн о том, что карлуки, «поставив одного лучшего из своей среды государем над собой, по смерти

²¹ История народов Узбекистана. Т. I. Ташкент, 1950, с. 269.

²² Абу Райхан Беруни. Избранные произведения. Т. III. Ташкент, 1966, с. 95—96.

²³ Махмуд Кошгарий. Девону луғотит турк. Т. I. Тошкент, 1960, 450-бет.

²⁴ Бернштам А. Н. Согдийская колонизация Семиречья.— «Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры», вып. VI, М.—Л., 1940, с. 34—43.

²⁵ Там же, с. 41.

²⁶ Баласагун соответствует развалинам Ак-пешин, находящимся близ современного г. Токмака.

²⁷ Махмуд Кошгарий. Девону луғотит турк, 409-бет.

²⁸ Якубовский А. Ю. Сельджукидское движение в Туркмении в XI в.— «Известия АН СССР», 1937, № 4, с. 227.

его опять избирали кого-нибудь»²⁹. С обоснованием карлуков в Семиречье и значительной части Восточного Туркестана и Ферганской долины функция джабгу значительно расширяется: из главы племенного союза карлуков он превращается в верховного вождя всех попавших под его власть племен и народов.

Середина IX в. явилась переломным моментом в жизни тюркских племен Средней Азии. К этому времени у тюрков-карлуков и подвластных им племен, населявших Семиречье, Восточный Туркестан, Ферганскую долину, усиливается процесс развития феодальных отношений. Главы крупных родов и племен стремились стать независимыми от верховного вождя-джабгу, что послужило причиной бесконечных междоусобных войн и раздоров. Для прекращения их необходима была крепкая государственная власть, т. е. «сила, которая бы умеряла столкновение, держала его в границах «порядка»³⁰.

Для тюркских племен середины IX в. такой силой явилось, несомненно, карлукское государство, образовавшееся в 840 г. Оно объединяло как оседлое, так и кочевое население областей по обе стороны главного хребта Тянь-Шаня, включая северные районы Ферганской долины.

В государственном управлении карлуков (основную роль в котором играли племена чигил и ягма) сохранились некоторые пережиточные черты доклассового общества. Например, верховная власть еще отражала дуальную организацию: правительство возглавлял верховный хакан (каган), главным образом из племени чигил, а соправителем был хакан из племени ягма³¹. Тотемом (онгоном) чигилей был арслан (лев), а ягма — богра (верблюд)³². Их онгоны одновременно служили и титулами правителей (Арслан-хан и Богра-хан).

В течение второй половины IX — первой половины X в. продолжают дальнейшая консолидация тюркоязычных племен и переход значительной части их к оседлости, а также слияние с ними некоторых не тюркских по языку этнических элементов (согдийцев, асов и др.). Вместе с тем идет процесс дальнейшего развития и упрочения культурно-экономической жизни общества и формирования узбекской народности.

Так, в IX—X вв. формируется народность, ставшая впоследствии именоваться узбеками. Основное ядро ее составило тюркоязычное и тюркизированное автохтонное оседлое и полуседлое население северных и северо-восточных областей Мавераннахра и прилегающих районов.

В 940 г. образовалось государство караханидов³³. Сопоставление данных ряда исторических источников убеждает нас в том, что появление его, собственно говоря, означало не возникновение нового государства, а утверждение новой династии в государстве карлуков.

²⁹ Абул-Гази Бахадур-хан. Родословное древо тюрков. Соч. Абул-Гази, Хивинского хана. Пер. и предисловие Г. С. Саблукова с послесловием и примечаниями Н. Ф. Катанова. Казань, 1906, с. 35.

³⁰ Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. М., 1976, с. 190.

³¹ Ставка главного кагана находилась в Куз-Орде, у берегов р. Чу, недалеко от Баласагуна, а ставка кагана-соправителя — на р. Тараз (Талас), у нынешнего г. Джамбула. См.: «Islam Ansyclopedia», 58 suz, Istanbul, 1953, s. 351.

³² Точнее бугра (так называли верблюда-самца). Махмуд Кашгарский пишет (см. его соч., т. I, с. 397), что слово «бугра» является титулом хана. Подробно см.: Prits a k O. Karachanidische Streitfragen. — «Oriens», v. 3, Leiden, 1950, N 2, S. 210—212; Die Karachaniden (Mit einer genealogischen Tabel). — «Der Islam», Bd. 31, 1953, S. 23—24.

³³ Бартольд В. В. Соч., т. IV, М., 1966, с. 52.

Главенствующую роль в нем по-прежнему играли карлуки, чигили, халаджи, ягма и др. Однако сама династия в востоковедческой литературе получила название караханиды³⁴, ввиду часто встречающегося в их титуле слова «кара» («черный»)³⁵. Караханиды почти не изменили традиционную систему управления, бытовавшую в государстве карлуков.

Во главе государства караханидов, как и прежде, находился верховный правитель с титулом Арслан-кара-хакан (Арслан-хан), ставка которого размещалась в Куз-Орде³⁶. Наряду с главным ханом (Арслан-кара-хаканом) у власти находился его соправитель — Богра-кара-хакан (Богра-хан). Обычно последний правил западной частью государства караханидов со столицей в г. Тараз, а временами — в г. Кашгар. В случае смерти Арслан-кара-хакана его место занимал Богра-хан, принимавший уже титул Арслан-кара-хан. Соправителем же его становился наследник прежнего соправителя. Как видно, организация верховной власти караханидов целиком отражала традиционную дуальную организацию государства карлуков.

Караханидские правители были карлуками. Об этом без всяких колебаний говорили В. В. Григорьев и Н. А. Аристов³⁷, а В. В. Бартольд писал: «Турки-мусульмане, овладевшие в конце X в. культурными областями Туркестана, несомненно, принадлежали к одной из тех турецких народностей, которые упоминаются географами X века в Семиречье»³⁸. Последними же упоминались чигили, халаджи, ягма и др., входившие прежде в племенную конфедерацию карлуков. Вероятно, В. В. Бартольд имел в виду одно из этих племен или карлуков в целом. В другом месте он отмечал, что карлуки занимали в государстве караханидов положение, «которое вполне соответствует положению огузов в сельджукидской империи»³⁹ (т. е. ведущую роль).

А. Ю. Якубовский констатировал, что «карлукам и родственным им племенам, объединенным династией караханидов (илек хани), без большого труда удалось сломить сопротивление Саманидского государства»⁴⁰. Известный турецкий ученый О. Прицак прямо утверждает, что династия караханидов вышла из правящего дома карлуков, игравших большую роль в степях Средней Азии⁴¹.

³⁴ Этот термин ввел В. В. Григорьев в работе «Караханиды в Мавераннахре по Тарихи Муниеджим-баши, в османском тексте». См. «Труды Восточного отделения Русского археологического общества», СПб., 1874, ч. XVIII, с. 189—200 и след.

³⁵ Слово «кара» (кара-хан), встречающееся в титулах караханидов, означает «могущественный» или «великий» хан. См. «Islam Ansyklapedisi», 58 suz, Istanbul, 1952, s. 252—253. Караханидских ханов называли также титулом илек (илиг). Слово «илек» входило в титул только двух «низших каганов»: Арслан илек и Бугра илек (ханы из династии караханидов). См.: Бартольд В. В. Соч., т. II, ч. 2, с. 520, прим. 1.

³⁶ Так называли (в IX—X вв.) г. Баласагун. Недалеко от него, по словам Махмуда Кашгарского, находился еще один город под названием Орду (Орда), где жили правители-хаканы. См.: Махмуд Кашгарский. Указ. соч., т. I, с. 145.

³⁷ Григорьев В. В. Караханиды в Мавераннахре, по Тарихи Муниеджим-баши, в османском тексте, с переводом и примечаниями В. В. Григорьева.— Труды Восточного отделения Русского археологического общества, ч. XVIII, с. 192—197; Аристов Н. А. Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности.— «Живая старина», СПб., 1896, вып. III—IV, с. 439 и след.

³⁸ Бартольд В. В. Соч. т. II, ч. I, М., 1963, с. 246.

³⁹ Бартольд В. В. Соч., т. I, М., 1963, с. 315.

⁴⁰ Якубовский А. Ю. Феодалное общество Средней Азии и его торговля с Восточной Европой в X—XV вв.— Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР, ч. I. Торговля с Московским государством и международное положение Средней Азии в XVI—XVIII вв., Л., 1932, с. 23.

⁴¹ Pritsak O. Op. cit., S. 210—212.

Караханидский период истории тюркских народов Средней Азии проходит два этапа. Первый этап охватывает середину IX—X в. Тогда территория караханидского государства ограничивалась северными областями Средней Азии: Семиречьем, Восточным Туркестаном и северо-восточными районами Ферганской долины, — т. е. теми же областями, которые находились под властью предыдущей династии карлуков.

Второй этап определяется с начала XI в., когда караханы окончателю одержали победу над саманидами и овладели Мавераннахром. Таким образом, возникло огромное государство караханидов, охватившее территории от Кашгара до Амударьи, включая часть Восточного Туркестана, Семиречья, Шаша (Ташкентский оазис), Фергану, территории древнего Согда и районы нынешней Сурхандарьинской области. Однако это феодальное государство караханидов не было цельным и прочным. Оно состояло из уделов, управляемых членами караханидского дома. Самым крупным уделом был Мавераннахр со столицей в Самарканде.

В течение XI в. из Семиречья в Мавераннахр переселились многочисленные группы карлуков, чигилей, халаджей, ягма, аргу, тухсы и другие тюркские племена. Они разместились в оазисах и степях Среднеазиатского междуречья. Но часть их все еще оставалась в Семиречье. После падения государства караханидов под ударом каракиданей (первая половина XII в.) карлукам, вытесненным к северу от р. Или, удалось образовать свое государство со столицей в Каялыке⁴². Оставшиеся в Семиречье карлуки и другие тюркоязычные племена впоследствии вошли в состав различных этно-политических объединений, участвовавших в формировании казахской и киргизской народностей.

В Мавераннахре жили значительные группы сородичей упомянутых племен, большая часть которых давно перешла к оседлости, иногда как некоторые из них все еще вели здесь кочевое и полукочевое хозяйство. Карлуки, чигили, халаджи, аргу, тухсы и другие, мигрировав в Среднеазиатское междуречье и переходя к оседлости, вошли в состав близкого им по культуре и быту местного тюркоязычного населения. В результате этнических взаимосвязей, продолжавшихся в течение второй половины X — первой половины XI в., завершается процесс формирования узбекской народности.

Политические и социально-экономические причины захвата караханами территории Мавераннахра убедительно раскрыты А. Ю. Якубовским⁴³. Не останавливаясь на этом вопросе, укажем лишь, что после миграции из Семиречья и Восточного Туркестана значительных групп тюркских племен в караханидском обществе происходит дальнейшее классовое расслоение. Основная территория пастбищ была захвачена кочевыми феодалами, которые сосредоточивали в своих руках огромное количество скота. Бедные же скотоводы быстро разорялись и переходили к оседлому земледельческому труду. Незначительная часть переселившихся племен (карлуки, чигили, халаджи и др.) продолжали вести кочевое и полукочевое хозяйство вокруг оазисов современного Узбекистана и Таджикистана.

Итак, карлуки сыграли существенную роль в этногенезе узбекской народности, сложение которой завершается в первой половине XI в., а дальнейшее развитие уже сформировавшейся узбекской народности протекает в эпоху развитого и позднефеодального общества.

⁴² Бартольд В. В. Соч., т. 1, с. 471, 472.

⁴³ Якубовский А. Ю. Феодальное общество Средней Азии и его торговля с Восточной Европой в X—XV вв., с. 23—26.

В. М. МАССОН

КУШАНСКАЯ ЭПОХА В ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ УЗБЕКИСТАНА

(Вопросы типологии поселений и культурогенеза)

Археологические материалы, характеризующие кушанскую эпоху, позволяют в определенной мере осуществить разработку и такого важного аспекта кушановедения, как проблема социально-экономических отношений. Не секрет, что большинство заключений по этому вопросу делается на основании общеметодических соображений или ретроспективно, от факта общего культурного подъема в кушанскую эпоху к гипотезе о структурах, которые могли обеспечить этот подъем. Важным конкретным источником для разработки данной проблематики служат кушанские поселения как отражение древних общественных структур. В последние годы этому вопросу уделяется значительное внимание в специальной литературе и даже высказывается мнение о выделении особой отрасли — «археология поселения»¹.

Бактрийская экспедиция уделила данной тематике сугубое внимание. Сплошной учет памятников кушанского времени на территории Сурхандарьинской области, осуществленный совместно с Узбекстанской искусствоведческой экспедицией, позволил предложить типологию древних поселений. Тип поселения следует рассматривать как устойчивое сочетание определенных признаков, связанных с выполняемыми поселением функциями. Эти функции находят отражение и в размерах памятника, и в его внутренней структуре, и в составе находок. При социологической интерпретации данных археологии как раз и приходится идти к реконструкции функций поселений по характеру и сочетанию внешних признаков.

Выделение типов кушанских поселений, чему посвящены первоначальные разработки Э. А. Юркевича и Э. В. Ртвеладзе², в основном базируются на учете абсолютных размеров памятников с частичным использованием данных об их внутренней структуре (планировке). Учет данных по почти 120 памятникам Сурхандарьинской области показал, что значимая грань при делении их по размерам лежит в пределах 4—6 га. Если считать, вслед за Р. Адамсом, что значительные

¹ Массон В. М. Эволюция первобытных поселений Средней Азии.— Успехи среднеазиатской археологии, вып. I, Л., 1970; его же. Экономика и социальный строй древних обществ. Л., 1976; Masson V. Prehistoric Settlements Patterns in Soviet Central Asia.— In: Man, settlement, urbanism, London, 1972; Johnson G. A. Local Exchange and Early State Development in Southwestern Iran.— University of Michigan. Anthropological Papers, N 51, Ann Arbor, 1973.

² Юркевич Э. А. Городища кушанского времени на территории Северной Бактрии.— «Советская археология» (СА), 1965, № 4; его же. Кушанская культура на территории Афганистана, Пакистана и Индии. Автореферат канд. дисс. М., 1968, Ртвеладзе Э. В. Разведочное изучение бактрийских памятников на юге Узбекистана.— Древняя Бактрия (ДБ), Л., 1974.

размеры поселения уже сами по себе отражают сложную структуру выполнявшихся им функций³, то есть основания относить кушанские памятники площадью менее 4 га к сельским поселениям, а более 6 — к классу городов. Отметим, что для древней Месопотамии сам Р. Адамс проводит эту грань также на 6 га⁴.

Остановимся сначала на поселениях сельского типа, рассмотренных в работе Ш. Р. Пидаева⁵. Данные о их планировке указывают на довольно сложную картину. Уже на имеющихся материалах могут быть выделены по меньшей мере три вида мелких («сельских») поселений: памятники неправильных очертаний (овальные, овально-вытянутые, двухчастные и т. д.); памятники подпрямоугольного или чаще подквадратного плана без выделения в рельефе какой-либо их части и памятники аналогичной планировки, но с дополнительным подквадратным возвышением в одном из углов (т. е. «тена с вышкой») или с планировочно обособленной «цитаделью».

К памятникам первого вида относится Аккурган (Шерабадский оазис кушанского времени), детально изученный отрядом Бактрийской экспедиции под руководством Ш. Р. Пидаева⁶. Здесь удалось выделить четыре планировочно обособленных хозяйственно-жилых комплекса, имевших по 12—29 помещений. Внутри каждого комплекса выделяется исходная планировочная единица, включавшая от 2 до 6 жилых комнат. Таким образом, в планировочном отношении мы имеем здесь как бы трехчленную иерархию: поселение в целом — хозяйственно-жилой комплекс — малый исходный блок.

Анализ находок показывает, что хозяйственная деятельность обитателей всех этих планировочных единиц практически аналогична — все было направлено на обеспечение основной, сельскохозяйственной производственной функции с развитием связанных с нею производств (изготовление ступок и зернотерок, домашнее ткачество, виноделие). Размеры основных единиц обитания позволяют заключить, что исходный планировочный блок был жилищем малой семьи, входившей в состав большесемейной общины (хозяйственно-жилой комплекс), а несколько таких больших семей образовывали земледельческую общину Аккургана.

Несколько сложнее дело обстоит с интерпретацией памятников двух других видов, или подтипов, прежде всего потому, что пока ни один такой памятник полностью не раскопан, хотя значительные работы были проведены на Шортепа⁷ и Мирзакултепа⁸. Характерная черта этих поселений — четкий геометрический план, явно указывающий на воздействие какого-то централизованного начала, а также наличие обводных стен. Раскопки на Хайрабадтепа, принадлежащем к числу небольших памятников с обособленной цитаделью, показали, что здесь крепостная стена имеет даже внутрстенный коридор. Однако пока не приходится говорить о выполнении этими памятниками каких-либо специфических городских функций. На Мирзакултепа открыты обшир-

³ Adams R. Mc. C., Nissen H. J. The Uruk — Countryside. Chicago — London, 1972.

⁴ Там же, с. 18.

⁵ Пидаев Ш. Поселения кушанского времени Северной Бактрии. Ташкент, 1978.

⁶ Пидаев Ш. Р. Некоторые данные о раскопках кушанского поселения Аккурган в Северной Бактрии.— СА, 1975, № 4; его же. Поселения кушанского времени..., с. 50—81.

⁷ Пугаченкова Г. А. Новые данные о художественной культуре Бактрии.— В кн.: «Из истории античной культуры Узбекистана», Ташкент, 1973, с. 97.

⁸ Пидаев Ш. Р. Поселения кушанского времени..., с. 29—50.

ные хранилища, насчитывавшие не менее пяти десятков хумов с остатками в некоторых из них вещества типа муки.

Показательно широкое распространение подобных памятников на юге Узбекистана, — по подсчетам Ш. Р. Пидаева, их не менее 40. Их массовость и характер находок позволяют видеть в них места обитания значительной части сельского населения кушанской Бактрии. В этой связи встает очень важный вопрос о характере организации этой части сельского населения, жившего в поселках, чья планировка указывает на воздействие централизирующих сил, а обводная стена могла выполнять как оборонительные, так и чисто фискальные функции.

Г. А. Пугаченкова по материалам Шортепа высказала предположение, что это поселение представляло собой «очень богатое хозяйство, принадлежавшее либо представителю земельной знати, либо храму»⁹. Обширные хранилища с остатками зерновой продукции, вскрытые на Мирзакултепа, в известной мере напоминают государственные хранилища урартских центров¹⁰ и во всяком случае явно указывают на то, что здесь сосредоточивались значительные запасы.

Не исключено, что по крайней мере часть подобных памятников служила местом поселения искусственно организованного подобия общины, создававшегося властями в административно-фискальных целях, как это практиковалось в Месопотамии ахеменидского времени¹¹. Для решения этого вопроса важное значение могут иметь раскопки центральных бугров или «цитаделей» поселений этого подтипа. Расселение части сельских жителей в укрепленных усадьбах подквадратной или подпрямоугольной планировки имеет в Средней Азии давнюю традицию, как мы знаем по раскопкам усадьбы Дингильджа в Хорезме¹² и поселения Кызылча-6 в Северной Бактрии¹³. Правда, в первом случае перед нами — явно не густо населенный поселок, а отдельная усадьба, возможно, даже принадлежавшая достаточно состоятельной семье.

Кушанские поселения городского типа при внешнем сходстве с этим видом сельских памятников по характеру планировки отличаются от них и размерами, и сложной внутренней структурой, и характером выполняемых функций. Сейчас на юге Узбекистана интенсивно исследуется два кушанских города — Дальварзин (28 га) и Зартепа (17 га). В обоих случаях не учтены пригороды, ныне частично или полностью уничтоженные в ходе сельскохозяйственного освоения прилегающих территорий. Оба города были центрами крупных сельскохозяйственных округов. Монументальные постройки и культовые комплексы указывают на развитие также функций идеологического лидерства (храмы и святилища) и административного руководства (дворцовый комплекс Зартепа), а остатки гончарного и некоторых других производств — на активную ремесленную деятельность.

Особенно показательна социальная стратификация городского населения, нашедшая яркое отражение в типах застройки. На одном полюсе находились представители городского патрициата («дома богатых горожан» Дальварзина, дома раскопа 7 с базами колонн на Зартепа), на другом — основная масса горожан, жилые строения которых

⁹ Пугаченкова Г. А. Новые данные.... с. 97.

¹⁰ Мартиросян А. А. Аргиштихинили. Ереван, 1974, с. 82—85.

¹¹ Дьяконов И. М. Рабовладельческие владения персидских вельмож. — «Вестник древней истории» (ВДИ), 1959, № 4.

¹² Воробьева М. Г. Дингильдже. М., 1973.

¹³ Сагдуллаев А. С. Культура Северной Бактрии в эпоху поздней бронзы и раннего железа. Автореферат канд. дисс. Л., 1978, с. 9.

лучше всего изучены на раскопе 6 Зартепа¹⁴. Здесь на протяжении 130 м вскрыта уличная магистраль, по обе стороны которой располагались домовладения правильной планировки, состоявшие из 8—12 комнат и занимавшие в среднем площадь 400—500 м².

Судя по размерам, это были жилища большесемейных общин, своего рода городские аналоги хозяйственно-жилых комплексов Аккуртана, но отличающиеся более регулярной планировкой. Состав таких больших семей известен по документам из дворцового архива Хорезма. Кстати сказать, хронологически он весьма близок зартепинскому кварталу, вскрываемому на уровне двух верхних строительных горизонтов, относящихся к позднекушанскому периоду. По этим документам, составленным, скорее всего, как податные списки, в состав большесемейной или домово́й общины, обозначаемой идеограммой ВУТ', входило от 20 до 40 человек, причем в трех случаях из пяти число рабов достигало 12 человек¹⁵.

Эти домашние рабы были, видимо, лишь одной из социальных групп в классе подневольных работников рабского типа, тогда как другую группу, или прослойку, как мы знаем по материалам обществ древневосточного типа, составляли оторванные от общины лица, принуждаемые к труду внеэкономическим путем и работавшие в царских и храмовых хозяйствах¹⁶.

Одним из пунктов такого хозяйства централизованного управления могло быть упоминавшееся выше поселение Мирзакултепа. Следует надеяться, что интенсивные археологические изыскания приведут к открытию и кушанских архивов, что позволит более конкретно охарактеризовать социальные отношения в этом государственном образовании.

Обратимся теперь к вопросам культурогенеза кушанской эпохи. Видимо, именно в этой сфере достижения кушанской цивилизации были наиболее примечательными и значимыми для мирового исторического процесса. Нет надобности описывать замечательные памятники кушанской архитектуры и искусства, значительная часть которых открыта на юге Узбекистана (Айртам, Халчаян, Дальварзин, Фаязтепа). Надо обратить внимание на следующее немаловажное обстоятельство: и эти уникальные памятники, и массовая народная культура по существу представляют собой единое явление, отличающееся в каждом случае масштабом и характером воплощения, но отнюдь не содержанием.

Раскопки кушанских памятников Северной Бактрии дали массовый археологический материал, демонстрирующий устойчивое сочетание определенных предметов, повторяющееся как в крупных центрах, так и на мелких поселениях. Таковы набор керамических форм, выполненных в одной технической традиции, формат не крупного квадратного кирпича с наносимыми на него знаками, использование мергелистого известняка в архитектуре, мелкая терракота, включающая женские статуэтки и фигурки всадников, объекты, связанные с буддизмом, многочисленные бронзовые монеты. По существу речь должна идти о выделении кушанского археологического комплекса, хорошо знако-

¹⁴ Завьялов В. А. Раскопки квартала позднекушанского времени на городище Зартепе.— СА, 1979, № 3; Массон В. М. Изучение кушанских и раннесредневековых памятников на юге Узбекистана.— Археологические открытия 1977 г. М., 1978.

¹⁵ Очерки земледелия и аграрных отношений в Туркменистане. Ашхабад, 1971. При этом расшифровавший документы В. А. Лившиц отмечает, что, судя по отсутствию каких-либо титулов и званий, это не были знатные семьи (Очерки..., с. 103).

¹⁶ Массон В. М. О характере древнейших классовых обществ на Востоке.— «Известия АН Туркменской ССР. Серия общественных наук», 1979, № 5.

мого на эмпирическом уровне всем археологам и переживающего определенные временные, а возможно, и локальные модификации, но не теряющего своих основных признаков, выступающих в устойчивом сочетании.

Представляется, что генетически эта археологическая общность восходит к такому большому историческому явлению, которое в терминах современной социологии можно определить как кушанский культурный комплекс. Как известно, под культурным комплексом понимается широкая совокупность предметов, учреждений, идей, образцов поведения, функционально связанных с определенным элементом¹⁷. В данном случае весь кушанский культурный комплекс связан с кушанским городом, с тем широким развитием городской культуры, урбанизации, которое было характерно для того времени¹⁸.

С нашей точки зрения, широкое распространение буддизма в кушанское время в определенной мере обусловлено функцией буддизма, особенно в махаянистском варианте, как идеологии урбанизирующегося общества. Как известно, буддизм выработал новый взгляд на личность, значительное развитие которой в условиях городского общества отмечается повсеместно. Уравнивание людей хотя бы в духовной области, упрощение махаянистским толком «пути к спасению» способствовали превращению буддизма в подлинно массовую религию, популярную в среде непосредственных производителей и удобную для городского патрициата. Как отмечают историки древней Индии, там влияние буддизма преобладало в экономически развитых частях страны, в основном в крупных городах и прилегающих к ним районах, «и поэтому упадок городов в послегуптский период способствовал и упадку буддизма. В деревню буддизм проник в меньшей мере. Сельские общины продолжали придерживаться своих традиционных верований, поклонялись прежним богам»¹⁹.

Учитывая этот аспект распространения буддизма, можно сказать, что в кушанском культурном комплексе находят воплощение функция города как центра ремесла и торговли, функция его идеологического лидерства и многое другое. Особенно показательны сложение на этой основе относительно высокоразвитого быта горожан, который в археологических материалах представлен устойчивыми канонами жилой архитектуры, керамических наборов, пряслицами определенной формы из камня и тяжелыми керамическими грузилами, костяными стилями или булавками и неизменными монетами, которых только в жилом квартале Зартепа, в двух строительных горизонтах, обнаружено свыше 200.

Специфическая черта бактрийских поселений — широкое распространение городского быта как в крупных центрах, так и на мелких поселениях. Это можно трактовать как свидетельство сравнительно высокого уровня кушанской урбанизации, вступавшей в тот этап, когда культурные достижения и потенциал, накопленные в отдельных крупных центрах, постепенно распространяются и на периферию²⁰. Вместе с тем в мелких поселениях отсутствуют такие элементы кушанского культурного комплекса, как монументальная архитектура и ремесло, что непосредственно связано с ограниченным спектром выпол-

¹⁷ Щепаньский Я. Элементарные понятия социологии. М., 1969, с. 47.

¹⁸ Массон В. М. Проблема древнего города и археологические памятники Северной Бактрии.— ДБ.

¹⁹ Бонгард-Левин Г. М., Ильин Г. Ф. Древняя Индия. М., 1969, с. 606.

²⁰ Коган Л. Б., Листенгурт Ф. М. Урбанизация и природа.— «Природа», 1975, № 3.

няемых ими функций. С упадком городов Бактрии в V в. постепенно происходят распад и исчезновение кушанского культурного комплекса.

Кушанский культурный комплекс формировался на основе традиций местной, бактрийской оседлоземледельческой культуры с творческим восприятием эллинистических начал и культурных явлений кочевого мира Средней Азии и Казахстана, привнесенных на юг юечжийским и сакским передвижениями.

С точки зрения культурогенеза особенно примечательны эллинистические элементы, в той или иной форме выступающие во многих проявлениях кушанского культурного комплекса. Советские историки рассматривают эллинизм как сочетание и взаимодействие эллинских и ориентальных начал в экономике, социально-политических структурах, идеологии и культуре²¹. Это было цельное, большое и сложное явление, а не отдельные бродячие сюжеты, столь часто наблюдаемые историками искусства. Эта комплексность объясняет и устойчивость эллинистических традиций, которые сохранялись отнюдь не в результате лишь прямого политического господства греко-македонян, представлявшего по существу лишь один из механизмов распространения эллинизма.

В Средней Азии эллинизм как комплексное явление может быть прослежен в Греко-Бактрии и в определенной мере в ранней Парфии, хотя, быть может, это и результат определенной ущербности нашей информации. Дальнейшая эволюция в Парфии происходит в рамках одного политического образования, где наблюдается постепенная трансформация и культурных начал, и политических институтов, тогда как в Бактрии с завершением эллинистического периода утверждается и новая государственность.

В кушанскую эпоху мы наблюдаем явление, которое в культурно-генетическом плане можно трактовать как своего рода «постэллинизм», когда популярные и традиционные формы, привычный стиль и иконография меняют семантику, наполняются новым содержанием. Это уже не эллинизм как комплексное явление, а определенная стадия культурогенеза²², в данном случае — составная часть кушанского культурного комплекса. Она достаточно удачно охарактеризована Г. А. Пугаченковой, которая пишет, что приверженность к эллинистической культуре «отображена в кушанско-бактрийской архитектуре (коринфизированные капители, аттические базы, антефиксы), в скульптуре (например, дононийские мотивы, образы некоторых божеств и другие), в орнаментике (мотив пальмет, виноградной лозы), в предметах культа (каменный алтарь), в деталях одеяний (женские драпирующие платья и мантии в скульптуре и на терракоте)»²³. Этот список можно было бы продолжить, но он ярко отражает существо вопроса, хорошо раскрывает эллинский компонент кушанской культуры.

Нам представляется, что кушанский культурный комплекс был для своего времени определенным эталоном, оказавшим значительное воздействие на области, развивавшиеся по пути аналогичной эволюции городской жизни и начал урбанизации. Этот вопрос изучен еще далеко не в полной мере, особенно учитывая относительную бедность слоев (или пока известных нам комплексов?) того времени на Афрасиабе.

²¹ Зельин К. К. Основные черты эллинизма.— ВДИ, 1953, № 4; Кошеленко Г. А. Греческий полис на эллинистическом Востоке. М., 1979.

²² См. для Армении: Саркисян Г. Х. К вопросу о характере и периодизации материальной культуры Армении эллинистического периода.— В кн.: «Всесоюзный симпозиум по проблемам эллинистической культуры на Востоке. Тезисы докладов». Ереван, 1980, с. 75.

²³ Дальверзинтепе. Кушанский город на юге Узбекистана. Ташкент, 1978, с. 176.

Кушанские воздействия отмечены для согдийских терракот²⁴, в Южном Согде, как показывают раскопки Еркургана, и даже в керамике первых веков нашей эры отмечается влияние кушанского юга²⁵.

В меньшей мере это можно сказать о керамике Хорезма и Ферганы, но полностью отрицать воздействие кушанских эталонов в этих областях не приходится. Топраккалинский дворцовый комплекс Хорезма при всем его своеобразии, порой граничащем с варварским пересыщением, по пышному скульптурно-живописному декору интерьера явно развивает кушанские каноны внутреннего убранства парадных зданий, не говоря уже о прямых стилистических и сюжетных заимствованиях в живописи. Недаром кушаны и «кушанская земля» вошли в эпическую традицию среднеазиатских народов, нашедшую отражение в «Шах-наме»²⁶. Кушанский культурный пласт сыграл огромную роль в развитии местной и мировой культуры, и его поздние реминисценции ощутимы вплоть до раннесредневекового Согда²⁷.

И последний аспект, на котором мы хотим остановиться в этом сообщении,— это проблема этнической ситуации в кушанскую эпоху, причем в совершенно определенном, а именно этногенетическом аспекте. Нельзя не признать, что для древних эпох вопросы этногенеза слабо разработаны в теоретическом, да и чисто методическом аспекте, в связи с чем налицо порой неосознанная подмена вопросов этногенеза антропогенезом, глоттогенезом или механическое экстраполирование в глубь веков более поздних этнических ситуаций, зачастую без учета эпохальной, а точнее формационной специфики.

Советские исследователи считают, что основной этносоциальной общностью докапиталистических классовых формаций была народность, причем можно выделить два подтипа — народность рабовладельческой эпохи и народность эпохи феодализма²⁸. Главное значение для выявления этнических свойств, которые иногда именуют также этническим слоем культуры, имеют обыденное сознание, обыденный язык и традиционно-бытовая культура²⁹.

Археологические материалы ярко характеризуют традиционную массовую культуру древних эпох для большинства областей Средней Азии и Казахстана, но работа по выявлению здесь устойчивых культурных общностей по существу только начата. Однако можно видеть, что в первую очередь в Бактрии сложился целый ряд предпосылок для этнической консолидации местного населения, в основном говорившего на языках восточноиранской лингвистической группы. В этом отношении нельзя недооценивать роль Греко-бактрийского царства, отразившего довольно высокую степень территориально-политического единства.

Возникновение и расцвет Кушанского государства, важнейшим центром которого оставалась Бактрия, способствовали усилению внутренних связей и развитию культурной интеграции. Видимо, в этот период шел активный процесс консолидации этнических единиц, род-

²⁴ Мешкерис В. А. Корoplastика Согда. Душанбе, 1977. с. 37.

²⁵ Исамиддинов М. Х. Керамика Южного Согда в эпоху древности и раннего средневековья. Автореферат канд. дисс. Л., 1979.

²⁶ Итицын Г. В. К вопросу о географии Шах-наме.— Труды отдела Востока Государственного Эрмитажа, т. IV, Л., 1947, с. 30—306.

²⁷ Беленицкий А. М. Среднеазиатское искусство преарабского времени и его связь с кушанским.— В кн.: «Центральная Азия в кушанскую эпоху», т. II, М., 1975.

²⁸ Токарев С. А. Проблема типов этнических общностей.— «Вопросы филологии», 1974, № 11; Бромлей Ю. В. Этнос и этнография. М., 1973, с. 138.

²⁹ Бромлей Ю. В. Указ. соч., с. 71—75.

ственных по языку и в значительной мере — по культуре. В настоящее время, после открытия многострочных кушанских надписей как на левом (Сурх-Котал, Дильберджин), так и на правом (Айртам) берегах Амударьи и ряда других эпиграфических памятников, достаточно четко выступают характерные черты бактрийского языка, бывшего официальным в северных областях Кушанской державы. При этом исследователи отмечают единообразие норм бактрийского письменного языка на большой территории³⁰, что в немалой степени способствовало процессам этнической консолидации.

Представляется, что имеющиеся данные позволяют с полным правом ставить вопрос о сложении в древний период, во всяком случае в кушанскую эпоху, особой, бактрийской народности. Вторгшиеся в Бактрию кочевые племена, также, очевидно, говорившие на языках восточноиранской группы, в лингвистическом отношении были ассимилированы, оставив в словарном фонде ряд заимствований. О культурной ассимиляции и сложении единой культуры кушанской Бактрии ярко свидетельствуют материалы археологии.

По крайней мере в IV в. н. э. в источниках появляется термин Тохаристан, постепенно полностью вытесняющий название Бактрии, которое сохраняется лишь в имени столичного города — Балха. Судя по всему, то была смена этнонима, но в какой-то мере она отражала и новую этническую ситуацию, связанную с продвижением в Бактрию племенных групп хнонгов, эфталитов и тюрков, а возможно, и формирование иных этносоциальных общностей новой уже, феодальной эпохи.

Более сложен вопрос с согдийцами, поскольку в Согде, как представляется, отсутствовали мощные политические образования, и раздробленная на несколько владений страна подчинялась воздействию более мощных государств — Греко-Бактрии, а затем Кушанской державы. В основу согдийской письменности лег самаркандский диалект, наряду с которым существовали и другие, как, например, бухарский и уструшанский, причем на основе последнего, видимо, сложился современный ягнобский язык. Традиционная массовая культура древнего Согда также достаточно разнообразна в рамках региона, и потому пока трудно судить, насколько далеко зашел в свое время процесс формирования единой согдийской народности.

Совершенно ясно, что древние народности и племенные группы Средней Азии и Казахстана стоят у истоков генезиса современных народов, превратившихся ныне в процветающие социалистические нации. Изучение этих процессов во всей их сложности и конкретном своеобразии — почетная задача советских историков.

В. М. Массон

ҚАДИМГИ ЎЗБЕКИСТОН ТАРИХИДА ҚУШОНЛАР ДАВРИ

(Жойлашиш типологияси ва маданий генезиси масалалари)

Мақолада янги археологик топилмаларни илмий нуқтаи назардан ўрганиш ва умумлаштириш асосида Қушонлар давридаги шаҳар ва қишлоқларнинг жойлашиши ҳамда Қушонлар даври маданиятининг шаклланишидаги асосий аспектлар ёритиб берилди.

³⁰ Лившиц В. А. Надписи из Дильберджина.— ДБ, с. 164.

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ

ПАРТИЙНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ РАБОТА СРЕДИ СЕЛЬСКИХ ТРУЖЕНИКОВ УЗБЕКИСТАНА В ВОЕННЫЕ ГОДЫ

В условиях Великой Отечественной войны неизмеримо возросло значение партийно-политической работы в массах, нацеленной на еще более тесное сплочение их вокруг Коммунистической партии, обеспечение монолитного единства фронта и тыла во имя победы над врагом.

Много внимания уделяла массово-политической работе и партийная организация Узбекистана. Уже 8 июля 1941 г. ЦК КП(б)Уз вынес постановление «Об усилении политической агитации и пропаганды в республике в условиях военного времени»¹, в соответствии с которым осуществлялась решительная перестройка всей партийно-политической работы.

В пленум ЦК КП(б)Уз также обсудил вопрос об усилении организационно-партийной и партийно-политической работы в условиях военного времени в соответствии с директивами и указаниями ЦК ВКП(б). Пленум предложил районным, городским, областным комитетам партии улучшить организационно-партийную работу, организовать шефство над колхозами, послать в колхозы и сельские районы опытных коммунистов для налаживания партийной и производственной работы.

Вопросы активизации идеологической работы партийной организации республики обсуждались также на VI (1942 г.), VII (1943 г.) и X (1944 г.) пленумах ЦК КП(б)Уз. Особое внимание уделялось усилению партийно-политической работы среди сельских тружеников, перед которыми в условиях военного времени встали новые, весьма сложные и ответственные задачи.

В ходе развертывания массово-политической и организаторской работы среди тружеников села партийной организации Узбекистана приходилось преодолевать не малые трудности. В связи с уходом в Действующую Армию тысяч коммунистов ряды сельских парторганизаций резко сократились. Если на 1 июля 1941 г. число членов и кандидатов в члены партии в колхозах и совхозах Узбекистана составляло 22 442, то на 1 января 1943 г. — 17 152 человека².

Большинство сельских коммунистов сосредоточивалось в районных организациях, совхозах и МТС, а непосредственно в колхозах партийная прослойка была невелика. На 1 июля 1941 г. партийные организации, кандидатские и партийно-комсомольские группы имелись в 2099 колхозах из 7108³. Многие коммунисты объединялись в территориальные первичные организации, имевшие широкое распространение в то время.

Сокращение сети партийных и комсомольских организаций, являвшихся проводниками политики партии в деревне, затрудняло ведение политической работы среди населения. Необходимость повышения роли сельских партийных организаций в решении больших и сложных задач военного времени вызвала к жизни новые организационные формы партийной работы на селе. Партия, творчески используя опыт 30-х годов, создала для работы в деревне чрезвычайные органы — политотделы в МТС и совхозах, а для руководства ими — систему политических органов: при наркоматах земледелия и совхозов республики — политуправления, руководимые коллегией наркоматов и ЦК КП(б)Уз, при областных земельных органах — политсектора, руководимые областными Советами депутатов трудящихся и обкомами КП(б)Уз. Основными задачами их были организация политической работы среди рабочих и служащих МТС и совхозов, а также колхозников, укрепление трудовой дисциплины, обеспечение своевременного выполнения государственных заданий и планов проведения сельскохозяйственных работ⁴.

¹ Очерки истории Коммунистической партии Узбекистана. Ташкент, 1974, с. 424.

² ПА УзФИМЛ, ф. 58, оп. 86, д. 51, л. 111—112.

³ Там же, д. 53, л. 111—112.

⁴ Арутюнян Ю. В. Советское крестьянство в годы Великой Отечественной войны. М., 1970. с. 65.

За короткий срок в Узбекистане было создано 189 политотделов МТС и 43 политотдела совхозов⁵. ЦК КП(б)Уз направил на работу в политотделы 567 лучших коммунистов, среди которых были работники ЦК, обкомов, горкомов и райкомов партии, советских и земельных органов. Одновременно в колхозы республики был направлен 1221 коммунист.

С созданием политотделов значительно оживилась общественно-массовая и партийно-политическая работа на селе. Политотделы уделили серьезное внимание улучшению работы первичных партийных организаций, правильному подбору и расстановке коммунистов, созданию новых партийных и комсомольских организаций в колхозах. Только за первое полугодие 1942 г. политотделы создали в Узбекистане 161 партийную и 373 комсомольские организации⁶.

На 1 января 1942 г. в составе Компартии Узбекистана насчитывалось 1718 колхозных парторганизаций, 451 кандидатская группа, 80 партийно-комсомольских групп, 188 первичных парторганизаций в МТС и МТМ и 74 — в совхозах⁷. Общее количество парторганизаций в колхозах увеличилось по сравнению с 1941 г. на 280⁸.

Ряды партии пополняли лучшие колхозники, работники совхозов и МТС. На 1 января 1942 г. в парторганизациях колхозов, совхозов, МТС и МТМ Узбекистана насчитывалось 25 712 коммунистов⁹. А на 1 января 1944 г. общая численность коммунистов в сельском хозяйстве республики составила 26 151 человека¹⁰.

Надежными проводниками политики партии в деревне выступали комсомольцы, особенно в тех хозяйствах, где не было партийных организаций.

На 1 июля 1942 г. в колхозах УзССР имелось 6639 комсомольских организаций со 136 508 членами, в МТС — 167 с 1932 членами. Комсомольскими организациями было охвачено 95,8% колхозов и 81,07% МТС¹¹.

Создание политотделов, рост сети и рядов партийных и комсомольских организаций на селе, активизация их деятельности обусловили значительное улучшение постановки массово-политической и культурной работы среди колхозников, рабочих и служащих МТС и совхозов. Во всех политотделах были созданы агитколлективы. Только в Самаркандской области в первой половине 1942 г. политотделы создали 759 агитколлективов, в которых насчитывалось 3754 агитатора, причем более половины из них составляли коммунисты и комсомольцы¹². В Ферганской области тогда действовало 346 агитпунктов. Политотдел Нарынской МТС организовал 45 агитпунктов, где работало 385 агитаторов. В Кассансайском районе насчитывалось 42 агитпункта (282 агитатора)¹³ и т. д.

Агитпункты стали новой формой агитационно-пропагандистской работы на селе. Они активно помогали политотделам направлять растущую творческую инициативу сельских тружеников на выполнение поставленных партией задач.

Политотделы МТС и совхозов сыграли важную роль в повышении уровня политической работы среди сельских тружеников. После их ликвидации (май 1943 г.) основную нагрузку агитмассовой работы на селе несли колхозные, совхозные парторганизации и агитколлективы.

Партийные организации делали все необходимое для широкого, оперативного ознакомления сельских масс с текущими событиями в стране и за рубежом, постановлениями партии и правительства, героическими подвигами советских людей на фронте и в тылу.

Много внимания уделялось постановке массовой лекционной пропаганды. В одной лишь Ташкентской области (без г. Ташкента) только за первое полугодие 1942 г. было прочитано 2194 доклада с охватом 106 333 человек¹⁴.

В Самаркандской области летом 1942 г. было проведено свыше 3 тыс. лекций, докладов, бесед с охватом более 100 тыс. человек, преимущественно на полевых станциях и в производственных бригадах¹⁵. Тематика лекций была самой разнообразной: «Об Отечественной войне», «О текущем моменте», «О коммунистическом отношении к труду», «О дружбе народов», «Почему неизбежен крах немецкого империализма», «Роль женщин в Великой Отечественной войне» и т. д.

Во всех агитпунктах была налажена читка газет, ежедневно обсуждался ход полевых работ, проводился обмен опытом передовиков и т. д. Как известно, в годы

⁵ ПА УзФИМЛ, ф. 58, оп. 18, д. 223, л. 15.

⁶ ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС, ф. 112, оп. 4, д. 64, л. 20—21.

⁷ Коммунистическая партия Узбекистана в цифрах. Ташкент, 1979, с. 106.

⁸ ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС, ф. 112, оп. 4, д. 64, л. 19—21.

⁹ Коммунистическая партия Узбекистана в цифрах, с. 106.

¹⁰ Там же.

¹¹ ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС, ф. 112, оп. 4, д. 64, л. 19—21.

¹² Там же, л. 57.

¹³ Там же, ф. 17, оп. 88, д. 95, л. 182—183.

¹⁴ ПА УзФИМЛ, ф. 58, оп. 18, д. 870, л. 5.

¹⁵ ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС, ф. 112, оп. 4, д. 64, л. 57.

войны многие печатные органы значительно сократили свои тиражи. В этих условиях важное значение приобретало оперативное оповещение сельских жителей о постановлениях партии и правительства, важнейших событиях на фронте и в тылу. Вот почему основной формой агитационно-массовой работы стали коллективные читки газет, сводок Совинформбюро, беседы о мужестве защитников Родины, достижениях передовиков труда. Агитаторы и пропагандисты уязвляли разъяснение решений партии и правительства с конкретными задачами каждого трудового коллектива.

В колхозе «Кзыл ой» Туракурганского района Наманганской области были подобраны и закреплены по бригадам кадры агитаторов из лучших коммунистов и комсомольцев. Среди них были и участники Отечественной войны. Агитатор Умурзаков, дважды раненный под Сталинградом, умело сочетал разъяснение производственных задач с рассказами о положении на фронте. В колхозе регулярно проводился инструктаж агитаторов. Колхозники всегда были в курсе важнейших событий международной и внутренней жизни. Это положительно сказывалось на производственных успехах хозяйства, которое одним из первых в районе в 1941 г. закончило уборку урожая и выполнило план сдачи зерновых¹⁶.

В идейно-политической работе на местах партийные организации широко использовали и стенные газеты, «боевые листки» «молянки», где освещались ход полевых работ, успехи соцсоревнования, опыт передовиков, вскрывались имеющиеся недостатки и т. п. Только в 1942 г. было выпущено 50 тыс. «боевых листов» и 15 тыс. стенных газет.

Большую пропагандистскую роль играл, например «боевой листок» колхоза им. Ворошилова Туракурганского района Наманганской области, выходивший на полевых станах каждые два-три дня. В нем подробно рассказывалось о работе стахановцев, опыте лучших звеньев и бригад, клеймились позором лодыри и прогульщики. Одно время третья бригада колхоза была самой отстающей. «Боевой листок» подверг ее работу резкой критике. По материалам этого выступления правление колхоза приняло соответствующие меры и помогло бригаде выйти в ряды передовых¹⁷.

Усиленно агитационно-пропагандистской работы на селе во многом способствовала организация с лета 1943 г. политических докладов партийных и советских работников для сельского населения. Например, в Касанском районе политдоклады были сделаны в 41 колхозе. В октябре-ноябре 1943 г. с политдокладами в колхозах, совхозах, МТС выступило 40 человек¹⁸. За 4 месяца только в Ташкентской области было прочитано 620 лекций и докладов, на которых присутствовало 50 тыс. человек. В целом по республике за 10 месяцев 1943 г. состоялось более 50 тыс. докладов.

Широкая массово-политическая работа велась в сети партийного просвещения. Во всех сельских парторганизациях для рядовых коммунистов и актива были созданы кружки по изучению трудов основоположников марксизма-ленинизма, истории Коммунистической партии и др.

В усилении партийно-политической работы на селе важную роль сыграли восстановленные в 1943 г. отделы партийных комитетов по работе среди женщин (женотделы). С их помощью на местах создавались женсоветы, которые развернули большую воспитательную работу среди женщин, составлявших тогда основную массу колхозников, работников совхозов и МТС.

Многогранную агитационно-пропагандистскую работу вела широкая сеть культурно-просветительных учреждений — клубы, библиотеки, красные чайханы. В них систематически проводились лекции, доклады, беседы, читки газет, встречи с фронтовиками, передовиками труда, выступления коллективов художественной самодеятельности и т. д.

Вся эта массово-политическая работа, проводившаяся под руководством партийных организаций при деятельном участии всего сельского актива, имела огромное значение в идейном воспитании тружеников села, повышении их творческой инициативы в борьбе за бесперебойное снабжение фронта и тыла продукцией земледелия и животноводства.

А. Ю. Ибрагимова

¹⁶ ПА УзФИМЛ, ф. 58, оп. 19, д. 940, л. 62—65.

¹⁷ ЦГА УзССР, ф. Р-400, оп. 1, д. 1140, л. 207—208.

¹⁸ ПА УзФИМЛ, ф. 58, оп. 19, д. 420, л. 36—37.

О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПЕЧАТИ УЗБЕКИСТАНА В ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

С первых же дней Великой Отечественной войны Коммунистическая партия широко использовала мощную силу печати. Советская печать постоянно пропагандировала ленинский завет о защите социалистической Родины, связывала партию с массами, вдохновенно разъясняла справедливые цели и всенародный характер Великой

Отечественной войны, звала советских людей на подвиги на фронте и в тылу. Ленинские принципы высокой идейности, партийности, правдивости, убежденности и массовости журналисты Узбекистана пронесли через все годы суровых испытаний военного времени.

Главными направлениями работы периодической печати в военные годы были воспитание советских людей в духе ненависти к врагу, твердой веры в нашу победу; популяризация героизма воинов Действующей Армии (республиканские газеты «Правда Востока» и «Қзыл Узбекистан» доставлялись на фронт воинам-узбекистанцам), подвигов тружеников тыла; повышение активности в работе партийных, советских, общественных организаций; мобилизация всех сил и ресурсов республики на нужды фронта, во имя нашей победы.

Партийные органы, обсуждая работу газет, нацеливали их на максимально полное отражение жизни страны, фронта и тыла. Редакции газет оперативно знакомились с важнейшими постановлениями партии и правительства, нацеливались на освещение на страницах печати наиболее злободневных вопросов, на тесную связь с массами. Систематически проводились совещания пропагандистских и газетных работников. Например, 15—19 декабря 1942 г. состоялось совещание заведующих отделами пропаганды и агитации горкомов и райкомов КП(б)Уз, заведующих парткабинетами, лекторов, штатных пропагандистов, редакторов городских и районных газет, на котором был сделан анализ состояния печати в республике в условиях военного времени и намечены меры по улучшению ее работы. Совещание обязало редакции газет «Правда Востока» и «Қзыл Узбекистан» шире и глубже освещать агитационно-пропагандистскую работу в республике¹.

В «Правде Востока» почти ежедневно печатались подборки о трудовом подвиге масс, их помощи фронту, развертывании социалистического соревнования, опыте передовиков производства. Публиковались и критические материалы о недочетах в работе отдельных производственных коллективов.

По инициативе редакции газеты на предприятиях Ташкента был проведен рейд по проверке расходования электроэнергии. С помощью Ташкентского горкома партии рейдовые бригады были созданы на 25 предприятиях города. Работа их широко освещалась на страницах газеты. Рейдовые бригады были созданы также в Фергане, Андижане, Намангане и других городах республики.

Большое внимание уделяла печать вопросам развития сельского хозяйства, работе тружеников полей, прежде всего хлопкоробов. Газеты мобилизовали колхозников, работников совхозов и на расширение посевов, увеличение урожайности зерновых и других продовольственных культур в республике.

Очень много внимания уделялось патриотическому и интернациональному воспитанию трудящихся, укреплению дружбы народов СССР, их нерушимого единства в борьбе за общее дело победы над врагом.

В условиях военного времени значительно повысились роль и ответственность партийных организаций, коммунистов и комсомольцев за положение дел в народном хозяйстве республики. Многие коммунисты и комсомольцы ушли на фронт, на их место пришли новые кадры, еще не имевшие опыта партийной работы. Поэтому газеты пропагандировали опыт работы лучших секретарей, показывали авангардную роль коммунистов и комсомольцев в народном хозяйстве, культуре, науке и технике. На страницах газет часто публиковались статьи об опыте работы агитаторов среди тружеников города и села.

Огромную роль в борьбе за высокие производственные показатели играла правильная постановка организационно-партийной работы в первичных парторганизациях. Поэтому в газетах часто печатались статьи о подготовке и проведении партийных собраний, о соблюдении партийной дисциплины, подготовке новых кадров партийных работников, значении партийного актива в борьбе за выполнение плановых заданий и социалистических обязательств.

Война поставила перед редакциями газет ряд новых задач не только в области тематики, но и в деле упрочения связей с воинами и тружениками. Об укреплении этих связей свидетельствовал растущий поток писем в редакции газет от трудящихся и фронтовиков.

Широко практиковалась посылка газет на фронт. Так, в январе 1942 г. редакция «Правды Востока» послала фронтовикам 61 экз. газет (кроме посылаемых по линии Союзпечати через САВО), в июне — 182, а в декабре — 2256 экз.²

«Правда Востока» установила тесную связь с фронтовой газетой «Красное знамя», что позволило широко и оперативно освещать в республиканской прессе героические подвиги сынов узбекского народа, публиковать письма тружеников тыла бойцам-узбекистанцам на страницах фронтовых газет, укреплять живые связи тыла и фронта.

¹ ПА УзФИМЛ, ф. 58, оп. 18, д. 66, л. 25.

² Там же, д. 851, л. 89—106.

В республиканской печати широко освещались и вопросы культурной жизни республики, достижения науки и др.

Партийные органы принимали действенные меры к улучшению всей работы местной печати. Этому способствовали и такие мероприятия, как проведение совещаний работников газет, обсуждения деятельности отдельных печатных органов, сборы редакторов газет, литературные конкурсы, беседы руководящих партийных работников с редакторами и сотрудниками газет, обзоры печати и т. д.³

Неустанное внимание и помощь ЦК КП(б)Уз и местных партийных органов, большая работа с кадрами республиканской печати способствовали совершенствованию деятельности периодической печати, усилению ее роли в решении актуальных задач военного времени, мобилизации трудящихся Узбекистана на оказание всемерной помощи фронту. Тем самым газеты Узбекистана, как и вся советская печать, внесли достойный вклад в нашу Победу.

Н. И. Ахмедова

³ См., напр.: ПА УзФИМЛ, ф. 31, оп. 16, д. 24, 124, 173; ф. 58, оп. 18, д. 6, 851 и др.

ПОМОЩЬ ТРУДЯЩИХСЯ УЗССР В ВОССТАНОВЛЕНИИ УЧРЕЖДЕНИЙ КУЛЬТУРЫ ОСВОБОЖДЕННЫХ РАЙОНОВ СТРАНЫ

В годы Великой Отечественной войны был нанесен огромный урон экономике и культуре западных районов страны, особенно временно оккупированных врагом. Восстановление их было исключительно сложной задачей, к решению которой страна приступила еще в условиях военного времени.

Программой первоочередных мероприятий по ликвидации тяжелых последствий оккупации стало постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР «О неотложных мерах по восстановлению народного хозяйства в районах, освобожденных от немецких оккупантов»¹, принятое 21 августа 1943 г. Оно явилось важным этапом в разворачивании всенародного движения за оказание помощи в возрождении экономики и культуры освобожденных районов.

Трудящиеся Узбекистана, как и других республик, брали шефство над освобожденными областями и городами. В освобожденные районы непрерывным потоком шли эшелоны с машинами, оборудованием, строительными материалами, продовольствием, материально-культурными ценностями. Сотни рабочих, техников, инженеров, работников здравоохранения, народного образования, культпросветучреждений выезжали для участия в восстановительных работах.

Активную роль в оказании помощи освобожденным районам играли комсомолы Узбекистана. Так, ЦК ЛКСМУз поддержал инициативу Саратовской и Ивановской областей об оказании помощи населению районов, освободившихся от немецких оккупантов. Руководство этим делом ЦК ЛКСМУз возложил на комиссию по сбору детских вещей².

Комсомолы и молодежь Узбекской ССР оказали большую помощь детям героического Ленинграда, длительное время находившегося во вражеской блокаде. Еще 10 мая 1942 г. в республиканской печати было опубликовано обращение учащихся школы № 115 им. А. С. Пушкина Ташкентского сельского района ко всем школьникам республики, призвавших активно взяться за сбор подарков и средств для детей Ленинграда и Ленинградской области. Только за два дня школьники собрали на 7000 руб. продуктов питания, учебные пособия, литературу и т. п.³

На призыв пионеров и комсомольцев школы им. Пушкина горячо откликнулся коллектив Ленинградской ордена Ленина государственной консерватории, эвакуированной в Ташкент. Он взял на себя обязательство организовать большой концерт в пользу ленинградских детей и призвал театры, филармонию и другие художественные учреждения Узбекистана провести спектакли и концерты, сбор денежных средств от которых отдать на подарки детям Ленинграда⁴.

Ташкентские комсомолы послали своим сталинградским товарищам оборудование для школ, две тысячи томов различной литературы, одежду и игрушки для детей. Труженики Ленинского района Ташкента послали в подарок Сталинграду оборудование для двух детских садов и яслей, для столовой на 500 мест, средней

¹ «Правда», 1943 г., 23 августа.

² Коммунистическая партия Узбекистана в годы Великой Отечественной войны. Летопись событий. Ч. 5 (июнь 1941—1945 г.). Ташкент, 1980, с. 49.

³ «Правда Востока», 1942 г., 10 мая.

⁴ «Правда Востока», 1942 г., 16 мая.

школы, поликлиники, а также собрали большое количество книг для библиотеки⁵. Коллектив Кокандской артели «Иттифак» изготовил оборудование для детских яслей и в мае 1943 г. отправил его в Сталинградскую область⁶. Только в июле 1943 г. в Сталинград из Узбекской ССР было направлено по одному комплекту оборудования для детского сада, детского дома, школы ФЗО и библиотеки.

Значительную помощь оказали трудящиеся республики и дошкольным детским учреждениям Воронежа. В декабре 1943 г. исполком Воронежского областного Совета депутатов трудящихся направил письмо Председателю СНК УзССР А. Абдурахманову, в котором выразил благодарность труженикам Узбекистана за братскую помощь детским домам Воронежской области⁷.

Научные работники, рабочие и служащие Центрального научно-исследовательского института хлопковой промышленности решили передать свою премию за успехи в социалистическом соревновании на восстановление хозяйства и культуры районов, пострадавших от фашистской оккупации⁸.

18 мая 1943 г. ЦК КП(б)Уз принял решение создать при Наркомпросе республики филиал централизованного фонда литературы для библиотек освобожденных областей и районов и выделить ему 40 тыс. книг из библиотек высших и средних учебных заведений. Кроме того, ЦК КП(б)Уз обязал все обкомы, горкомы, райкомы партии развернуть работу среди населения по добровольному сбору литературы для библиотек освобожденных областей⁹.

В октябре 1943 г. в РСФСР было послано из Узбекистана 81 тыс. книг, из них 17 тыс. собрано населением в индивидуальном порядке. В то же время из Ташкента было отправлено в Кабардино-Балкарию, Ставропольский край и другие районы 40 тыс. книг для укомплектования 21 районной библиотеки. Была также укомплектована литература, присланной из Узбекской ССР, библиотека педагогического института в Нальчике¹⁰.

Ташкентским филиалом Государственного фонда литературы было собрано 100 тыс. книг, из них скомплектовано 30 районных и городских библиотек для Харьковской, Полтавской и Ставропольской областей, а также подобраны книги для библиотек Мелитопольского института механизации сельского хозяйства, Ростовского экономического и Воронежского сельскохозяйственного институтов¹¹.

В целях быстрейшего налаживания занятий в школах и работы в библиотеках из Узбекистана в освобожденные районы выехали сотни учителей различного профиля, библиотечных работников, прошедших подготовку на курсах в Ташкенте, Самарканде и других городах республики.

После освобождения Харькова по всему Узбекистану развернулось патриотическое движение за оказание всемерной помощи жителям города. В числе первых в это всенародное движение включились узбекские полиграфисты. Они подготовили к отправке на Украину комбинированную типографию городского типа¹².

Коллектив сотрудников Наркомзема УзССР взял на себя обязательство собрать и отправить трудящимся Харькова подарки, в том числе библиотеку, укомплектованную учебниками, художественной и социально-экономической литературой. Каждый член коллектива обязался сдать не менее двух-трех книг¹³.

Из внутренних ресурсов ташкентских школ было выделено и направлено в освобожденный Харьков учебное оборудование и наглядные пособия для семи школ; для 17 школ Харьковской области собирали учебное оборудование и наглядные пособия в других областях Узбекистана. Кроме того, был организован сбор книг для 20 районных библиотек Харьковской области. В каждую из них включалось не менее 2 тыс. книг.

В сентябре 1943 г. в Узбекистане было собрано большое количество продуктов и денег для харьковчан. По Ташкентской области, например, на 7 октября 1943 г. было собрано 3545 различных вещей, инвентаря, 78 тыс. руб. деньгами. Колхозники Ферганской области в числе прочих подарков Харькову послали оборудование для двух комнат в яслях и 225 тыс. руб. деньгами. Трудящиеся Қашқадарьинской области к 17 сентября 1943 г., помимо продуктов, приготовили к отправке на Украину 2997 различных учебных пособий, 14,7 тыс. руб. В Каракалпакской АССР к 22 сен-

⁵ «Правда Востока», 1943 г., 21 марта.

⁶ «Правда Востока», 1943 г., 26 мая.

⁷ Коммунистическая партия Узбекистана в годы Великой Отечественной войны, с. 142.

⁸ «Правда Востока», 1943 г., 24 марта.

⁹ Коммунистическая партия Узбекистана в годы Великой Отечественной войны, с. 112.

¹⁰ «Правда Востока», 1943 г., 20 октября.

¹¹ «Правда Востока», 1944 г., 13 августа.

¹² «Правда Востока», 1943 г., 25 августа.

¹³ ЦГА УзССР, ф. Р-837, оп. 32, д. 4098, л. 23.

тября 1943 г. было собрано для харьковских библиотек 15 тыс. книг, а также оборудование для больницы на 25 коек¹⁴.

Широко откликнулась на призыв оказать помощь населению Харькова медицинская общественность Узбекистана. С большим патриотическим подъемом прошли митинги в ряде лечебных и научных медицинских учреждений Ташкента. На специальном совещании в Наркомздраве УзССР были утверждены мероприятия по оказанию помощи в восстановлении лечебно-профилактических учреждений Харькова. Городские и районные отделы здравоохранения, республиканские научно-исследовательские учреждения и вузы взяли на себя обязательства выделить необходимое оборудование. Отправке подлежали инвентарь, физиотерапевтическая аппаратура, медицинский инструмент¹⁵. Работники Термезской городской больницы Сурхандарьинской области, например, выделили комплект инструментов для оборудования в Харькове хирургического кабинета¹⁶.

Свой вклад в фонд помощи Харькову внес коллектив театра им. Мукими. Было решено на собранные средства приобрести все необходимое для восстановления одного из харьковских театров. Кроме того, театр им. Мукими выделил для отправки в Харьков 100 м шелка и другие материалы. Коллектив театра решил также ежемесячно вносить в фонд помощи харьковчанам сбор от двух внеплановых спектаклей¹⁷.

После освобождения Советской Украины начали возвращаться в родные места эвакуированные в восточные районы страны учреждения культуры, науки и здравоохранения. Значительная часть их выезжала из Узбекистана. Трудящиеся республики обеспечивали их всем необходимым.

Большая помощь была оказана трудящимися Узбекистана учреждениям культуры и здравоохранения Белоруссии. В июле 1944 г. из УзССР туда было отправлено 250 библиотек из книг, собранных населением республики¹⁸, 25 сентября 1943 г. 800 врачей из Узбекистана выехали на работу в освобожденные районы Белоруссии, Украины и отдельные области РСФСР¹⁹.

Трудящиеся Самаркандской области отправили в Белоруссию оборудование для одной из школ с физической и химической лабораториями, наглядными учебными пособиями, а также для детского сада на 60 человек и школы ФЗО. Из Наманганской области были отправлены оборудование для детсада на 170 человек, средней школы на 400—500 учеников, инвентарь и обстановка для столовой на 500 мест и т. д.²⁰

Таким образом, в годы Великой Отечественной войны узбекский народ, движимый чувствами патриотизма и социалистического интернационализма, оказал освобожденным районам страны бескорыстную всестороннюю помощь в восстановлении учреждений народного образования, здравоохранения и культуры, укреплении их квалифицированными кадрами специалистов.

Н. Обломуратов

¹⁴ ЦГА УзССР, ф. Р-837, оп. 32, д. 4098, л. 25, 75, 84—85, 94.

¹⁵ «Правда Востока», 1943 г., 27 августа.

¹⁶ «Ленинское знамя», 1943 г., 1 сентября.

¹⁷ «Правда Востока», 1943 г., 28 августа.

¹⁸ «Правда Востока», 1944 г., 4 июля.

¹⁹ «Правда Востока», 1943 г., 25 сентября.

²⁰ «Правда Востока», 1943 г., 10 марта.

ВОССТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ЖИВОТНОВОДСТВА В ЮЖНЫХ РАЙОНАХ УЗБЕКИСТАНА В 1925—1928 ГОДАХ

Одной из основных задач восстановительного периода в Узбекистане было восстановление такой важной отрасли сельского хозяйства и экономики республики в целом, как животноводство. Оно играло особенно большую роль в жизни населения южных районов УзССР — Кашкадарьинской и Сурхандарьинской областей. Но именно там восстановление этой отрасли было связано с преодолением исключительных трудностей.

Как известно, Кашкадарья и Сурхандарья относились к числу наиболее отсталых в социально-экономическом отношении районов молодой Узбекской республики. До 1924 г. они входили в состав Бухарской Народной Советской Республики, возникшей в 1920 г., и социалистические преобразования там начались позднее, чем во многих других, более развитых районах УзССР. Советизация кишлаков Кашкадарьи и Сурхандарьи фактически развернулась лишь после образования Узбекской ССР. Только в результате выборов в Советы 1925 г. местные органы власти были в значительной мере очищены от пробравшихся в них классово чуждых элементов (бан, бывшие эмирские чиновники и др.), всячески мешавших восстановлению и социалистическому преобразованию народного хозяйства, в том числе животноводства.

Огромный ущерб животноводству и экономике районов Кашкадарьн и Сурхандарьн нанес разгул контрреволюционных басмаческих банд. Борьба с басмачеством приняла здесь более затяжной характер, чем во многих других районах Узбекистана. Басмачи уничтожили или угнали за границу значительную часть скота, особенно принадлежавшего трудовому населению.

Весьма тяжелым было и положение других отраслей сельского хозяйства этих областей. Резко сократились посевные площади, особенно орошаемые, пришла в упадок сеть ирригационных сооружений.

К тому же в 1925—1926 гг. районы Сурхандарьн и особенно Кашкадарьн поразила сильная засуха, что привело к гибели посевов на значительных площадях и падежу скота от бескормицы.

Все это потребовало от партийных, советских, хозяйственных, общественных организаций принятия действенных мер по восстановлению животноводства. Окончательный разгром басмачества создал для этого благоприятные условия. ЦК КП(б)Уз и правительство Узбекистана оказали районам Кашкадарьн и Сурхандарьн большую помощь в восстановлении животноводства. Особое внимание уделялось обеспечению скотом сельской бедноты, батраков и издольщиков (ярымчи). Им выделялись льготные кредиты, предоставлялись ссуды зерном и другими продуктами. Бедняцкие хозяйства были освобождены от уплаты сельхозналогов; возвращение полученных от банков ссуд было отсрочено до сбора нового урожая.

Трудовое дехканство с горячей благодарностью воспринимало помощь партии и правительства. Чарвадары (животноводы) Касана, Бешкента, Гузара, Тенгихарамы в те дни заявляли, что в ответ на всемерное содействие правительства в сохранении поголовья их скота они готовы всю жизнь честно трудиться для укрепления Советского государства и отныне «рассматривают себя лишь как пастухов, оберегающих государственное достояние, и что вся продукция каракулеводства ими будет сдана только государству»¹.

Сельская беднота — земледельцы и скотоводы — все шире охватывались различными формами кооперации, а также контрактацией. Осуществлялись и иные мероприятия по подъему животноводства и других отраслей сельского хозяйства. Как отмечалось, например, в решении Исполбюро Сурхандарьнского обкома партии от 27 июля 1926 г., «в связи с ликвидацией басмачества и налаживанием хозяйства и экономической жизни области удалось более или менее точно выяснить число населения области, количество хозяйств, количество земель, рабочего скота и т. д., что дает возможность составить план развития народного хозяйства области»².

Все это способствовало постепенному восстановлению экономики обеих областей, в том числе ее главной тогда отрасли — сельского хозяйства. Так, посевные площади Кашкадарьнской области в 1925 г. составили на орошаемых землях 44 670, на богарных — 47 760 десятин, а в 1928 г. они превысили уровень 1914 г., составив 91 076 десятин на орошаемых и 83 682 — на богарных землях³. В Сурхандарьнской области посевные площади в 1925 г. занимали на поливных землях 23 008, на богарных — 11 452 десятины, в 1926 г. — соответственно 38 241 и 12 739, а в 1928 г. общая посевная площадь области превысила 90 тыс. десятин⁴. Непрерывно росло и поголовье продуктивного и рабочего скота. Так, в Кашкадарьнской области в 1926 г. насчитывалось 141 тыс. голов крупного рогатого скота, 47 тыс. лошадей, 1650 тыс. овец и коз, 36 тыс. верблюдов⁵. В Сурхандарьнской области к тому времени имелось 424,2 тыс. овец и коз, 47 667 голов крупного рогатого скота, 16 218 лошадей, 26 956 ослов, 2144 верблюда⁶.

Увеличилась и продуктивность животноводства, а вместе с тем — объем заготовок различной продукции этой важной отрасли. Например, в Кашкадарьнской области в 1926 г. было заготовлено 185 тыс. каракулевых шкурок; кроме того, агентством Кишпромторга было заготовлено 46 456 сырых и 5306 готовых кишок, 36 973 овчины, 15 928 козлин⁷. В 1927 г. намечалось получить 220 тыс. каракулевых шкурок, но уже за 10 месяцев было заготовлено 250 тыс. шкурок. Кроме того, окреслсоюз заготовил 46 646 каракулевых шкурок, 129 тыс. кг коконов, 21 282 овчины, 45 762 козлины, 8134 пуда шерсти и много другого животноводческого сырья⁸.

В 1928 г. только по линии Узбекторга в Касанском, Камашинском и Бешкентском районах было заготовлено 128 тыс. каракулевых шкурок, 2 тыс. шт. каракульчи, 4 тыс. пудов шерсти, 35 тыс. овчин, 8 тыс. козлин, 68 тыс. кишок⁹.

¹ ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС, ф. 62, оп. 1, д. 549, л. 21.

² Там же, д. 545, л. 194.

³ Кашкадарьнский облгосархив, ф. 184, оп. 1, д. 24, л. 19.

⁴ Сурхандарьнский облгосархив, ф. 184, оп. 1, д. 139, л. 32.

⁵ Кашкадарьнский облгосархив, ф. 83, оп. 1, д. 139, л. 32.

⁶ Там же, ф. 184, оп. 1, д. 27, л. 63.

⁷ Там же, ф. 83, оп. 1, д. 139, л. 32; ф. 189, оп. 1, д. 25, л. 36.

⁸ Там же, ф. 182, оп. 1, д. 33, л. 272.

⁹ Там же, д. 35, л. 26.

В Сурхандарьинской области в 1925 г. было заготовлено 30 тыс. овчин, 3 тыс. каракулевых шкурок, в 1926 г.—46 521 овчина, 8294 каракулевые шкурки, 1548 крупных кож, а в 1927/28 г.—51 526 овчин, 15 298 каракулевых шкурок, 5320 крупных кож и т. д.¹⁰

На 1 января 1929 г., т. е. к концу восстановительного периода, в целом по Узбекской ССР насчитывалось 9753 тыс. голов скота, из них 7237,6 тыс. овец и коз¹¹. К этому времени в Кашкадарьинской области имелось 1707 тыс. голов скота (в том числе 619 тыс. каракульских овец и 175 тыс. голов крупного рогатого скота)¹², а в Сурхандарьинской области—883,9 тыс. (из них—57,8 тыс. каракульских овец и 129 тыс.—крупного рогатого скота)¹³.

Как видим, на долю этих двух областей приходилось более четверти всего поголовья скота, имевшегося тогда в Узбекистане. Уже этот факт говорит о значимости восстановления животноводства в районах Кашкадарьи и Сурхандарьи для подъема данной отрасли в масштабе всей республики.

В ходе земельно-водной реформы, проведенной в этих областях в 1928—1929 гг., значительная часть скота, принадлежавшего помещичьим, феодально-байским хозяйствам, перешла в руки трудового дехканства и чарвадаров, которые все шире охватывались сельскохозяйственной кооперацией, а затем и колхозным движением.

Таким образом, восстановление животноводства в Кашкадарьинской и Сурхандарьинской областях, как и в целом по республике, сыграло важную роль в создании материальных предпосылок для социалистического переустройства сельского хозяйства Узбекистана.

У. Х. Хатамо

---

¹⁰ Сурхандарьинский облгосархив, ф. 18, оп. 1, д. 25, л. 36.

¹¹ Статистический справочник СССР за 1928 год. М., 1929, с. 166, 167.

¹² ПА УзФИМЛ, ф. 209, оп. 1, д. 77, л. 33.

¹³ ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС, ф. 62, оп. 1, д. 210, л. 99—108.

УЧЕБНО-ВОСПИТАТЕЛЬНАЯ РАБОТА В ВУЗАХ

ОРГАНИЗАЦИЯ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПРАКТИКИ СТУДЕНТОВ (Из опыта Андижанского института хлопководства)

Задачи современного этапа коммунистического строительства выдвинули новые, повышенные требования к качеству специалистов, выпускаемых высшей школой, воспитанию их в духе активных, сознательных строителей коммунизма. На это нацеливают нас решения XXVI съезда КПСС, XX съезда КПУз, постановления партии и правительства по идеологическим вопросам, по дальнейшему развитию высшей школы.

Важным фактором совершенствования системы вузовской подготовки и повышения качества выпускаемых специалистов стало введение общественно-политической практики (ОПП) студентов, которая по своему содержанию и функциям отвечает задачам комплексного подхода к постановке всего воспитательного процесса.

Система общественно-политической практики предполагает прежде всего обучение всех студентов уменью работать с людьми, формирует определенные навыки организаторской и воспитательной работы в трудовом коллективе.

Основные положения об общественно-политической практике студентов закреплены в ряде документов МВССО СССР и ЦК ВЛКСМ. ОПП становится все более полноправной составной частью учебно-воспитательного процесса. Об этом наглядно свидетельствует опыт организации ее в вузах Узбекистана. Здесь мы попытаемся кратко осветить его на примере Андижанского института хлопководства (АИХ).

В этом Институте ОПП была введена в 1971/72 учебном году по инициативе кафедры научного коммунизма. Первоначально она включала участие студентов в работе факультета общественных профессий (ФОП), школе молодого лектора (ШМЛ), выполнение общественных поручений, написание наиболее подготовленными студентами IV курса рефератов и докладов по проблемам научного коммунизма. Затем на основе собственного опыта и опыта других вузов страны были разработаны положение и план проведения ОПП; для студентов IV курса введен спецкурс в объеме 26 часов; более разнообразной стала работа со студентами во внеучебное время.

Опыт АИХ по организации и проведению ОПП студентов был одобрен Андижанским горкомом и обкомом партии и ЦК ЛКСМУз. В 1976 г. на базе Института был проведен научно-методический семинар по ОПП.

В целях дальнейшего совершенствования ОПП на основе «Примерного положения об общественно-политической практике студентов высших учебных заведений», утвержденного 5 марта 1974 г. МВССО СССР и ЦК ВЛКСМ, рекомендаций Всесоюзной научно-методической конференции по ОПП (Харьков, 1975) и собственного опыта в 1977 г. в АИХ была разработана новая система общественно-политической практики студентов очного и заочного отделений.

Положением об общественно-политической практике студентов АИХ определены цели, задачи, основные принципы ОПП, прохождение ее студентами в учебное и внеучебное время, руководство, порядок проведения и учет результатов ОПП.

План общественно-политической практики предусматривает чтение лекций, проведение практических занятий и выполнение определенного объема внеучебной работы на всех курсах с соблюдением принципов последовательности и преемственности, а программа ОПП раскрывает содержание каждой темы теоретического курса. Такая система обеспечивает надлежащую теоретическую, научно-методическую и практическую подготовку будущего специалиста к выполнению определенных производственных, коллективных и социальных функций.

Важнейшее звено подготовки молодых специалистов — изучение общественных наук. Центральное место в формировании у студентов марксистско-ленинского мировоззрения, коммунистической идейности занимает учебный процесс. Глубокая идейная убежденность преподавателей, их опыт и знания, активное воздействие самих общественных наук — это мощные средства воспитания студенческой молодежи.

«Учение марксизма-ленинизма,— отмечал Л. И. Брежнев,— это основа, неотъемлемая составная часть знаний специалиста любого профиля»¹.

Изучение общественных наук и полученные при этом знания образуют методическую основу ОПП. Систематизированные знания и навыки в области теории и практики организаторской и воспитательской работы студенты получают в ходе изучения спецкурса «Основы организаторской и общественно-политической работы в трудовом коллективе» в объеме 62 часов, в том числе на I—IV курсах — по 10 часов лекционных и 4 часа практических, а на V курсе — 6 часов лекционных занятий. Спецкурс в объеме 20 часов читается и для студентов-заочников.

Основная форма труда студента — учеба, его отдача — приобретение глубоких и всесторонних знаний, достижение максимальных результатов в учебе. На первом курсе студенты адаптируются к условиям вуза. Для оказания помощи им в приобретении навыков учебной работы используется первый раздел спецкурса «Общественные науки и студенческий труд». Основная цель здесь — привитие студенту навыков и методов самостоятельной работы, в том числе при изучении общественных наук.

На лекциях и практических занятиях первокурсник получает сведения о библиотеках и их справочном аппарате, о библиографических указателях и методике пользования ими; приобретает практические навыки работы с политической и периодической литературой, ведения различных записей, включая конспектирование первоисточников; изучает методику подготовки письменных работ по общественным наукам.

Основное содержание занятий на II курсе составляет овладение методикой агитационно-пропагандистской работы, включая подготовку и проведение бесед, политинформаций, лекций и докладов. Студенты III курса знакомятся с идейно-воспитательской работой в трудовом коллективе; на IV курсе изучаются основные направления организаторской работы, а на V — читаются лекции по адаптации молодого специалиста в трудовом коллективе после окончания института. Занятия по спецкурсу проводятся в рамках учебного времени, отведенного в распоряжение Совета вуза, а на первом курсе — за счет курса «Введение в специальность».

Лекции и практические занятия по спецкурсу ведут преподаватели кафедр общественных наук. Все студенты I—IV курсов по окончании изучения каждого раздела спецкурса сдают зачет на равных основаниях с другими зачетами.

Получив необходимую теоретическую подготовку, студенты во время производственной практики выполняют определенный объем общественно-политической работы в колхозах, совхозах и других сельскохозяйственных предприятиях. Такая работа организуется по выбору, в зависимости от характера и места практики, а также с учетом пожеланий студентов. Задания по практике делятся на ознакомительную деятельность и работу, связанную с личным участием.

В план ОПП входит ежегодная подготовка каждым студентом не менее одной работы по проблемам изучаемой им общественной дисциплины. Это содействует формированию у студенческой молодежи марксистско-ленинского мировоззрения, превращению знаний по общественным наукам в прочные убеждения, развитию и совершенствованию общественно-политических и организаторских навыков у будущих специалистов. Рефераты и доклады студентов позволяют решать ряд учебных и воспитательных задач. Преподаватели используют их для активизации семинарских занятий, привлечения студентов к участию во Всесоюзных конкурсах студенческих работ по проблемам общественных наук, истории ВЛКСМ и международного молодежного движения.

Например, в 1977/78 учебном году все 1650 студентов стационара, как и прежде, писали рефераты и доклады по общественным наукам и участвовали в первом (вузовском) туре VII Всесоюзного конкурса студенческих работ. Из 29 выдвинутых Институтом работ по итогам второго (областного) тура 22 работы были представлены для участия в третьем туре. По итогам республиканского конкурса шесть авторов работ были награждены туристическими путевками, четыре — грамотами ЦК ЛКСМУз, три — денежными премиями, остальные — дипломами I—III степеней, а пять работ выдвинуты на заключительный, IV тур Всесоюзного конкурса; по этому показателю Институт вышел на одно из ведущих мест в республике.

В ходе подготовки к очередному, VIII конкурсу, посвященному 110-й годовщине со дня рождения В. И. Ленина, все 1415 студентов I—IV курсов в среднем написали по две работы по проблемам изучаемой общественной дисциплины. Более половины из них были заслушаны на семинарских занятиях, научных кружках, теоретических конференциях. На институтской студенческой научно-теоретической конференции по общественным наукам (1980 г.) были заслушаны 104 лучшие работы студентов, из них 35 выдвинуты на второй тур. В работе этой конференции принял участие Д. К. Митропольский — ученый секретарь оргкомитета по проведению VIII Всесоюзного конкурса студенческих работ. По итогам второго тура 23 работы студентов АИХ были представлены для участия в республиканском туре.

¹ Брежнев Л. И. Ленинским курсом. Речи и статьи. Т. 3. М., 1972, с. 429.

Этим, однако, роль студенческих работ не исчерпывается. Собрав интересный материал для своего реферата, часть студентов на его основе выступает в местных радиопередачах, делает политинформации в группе или потоке, пишет заметки в стенгазеты. Все это способствует выработке у студентов навыков агитатора и пропагандиста.

Получив необходимую теоретическую подготовку при изучении спецкурса ОПП и исполняя написанные рефераты, студенты старших курсов во время производственной практики выполняют, как уже отмечалось, определенный объем общественно-политической работы в колхозах, совхозах и других сельскохозяйственных предприятиях.

Так, в 1979/80 учебном году 344 студента IV курса получили перед отъездом на практику индивидуальные задания по плану ОПП. Они изучили формы и методы деятельности общественных организаций, подготовку и проведение комсомольских собраний и производственных совещаний. Ими было прочитано также 1113 лекций, проведено 559 бесед.

Студенты АИХ участвовали в выпуске 536 номеров стенгазет, 647 «боевых листов» и 453 «молний», изготовили 422 наглядных пособия, приняли участие в подготовке и проведении 412 собраний цеховых и первичных комсомольских организаций, выполнили 693 поручения партийных и комсомольских организаций.

По итогам практики более 75% студентов защитили отчеты на «хорошо» и «отлично».

С введением ОПП значительно повысилась общественная активность студентов во время «трудового семестра». Так, 250 юношей и девушек, работавших на стройках Алтайского края, и бойцы сельскохозяйственных отрядов активно участвовали в различных общественно-политических и воспитательных мероприятиях, выступали с лекциями и беседами как в самих отрядах, так и среди населения.

Составной частью системы ОПП являются факультет общественных профессий и школа молодого лектора. Их окончили уже 1900 студентов АИХ. Ныне на всех отделениях ФОП обучаются 530, в ШМЛ — 60 студентов. Работа ФОП и ШМЛ отмечена дипломом первой степени и первой премией (пианино) на республиканском смотре-конкурсе.

Важное средство развития творческой активности будущих специалистов — выполнение комсомольских и других общественных поручений. 80% студентов имеют постоянные, а остальные — разовые поручения.

Эффективным средством формирования личных качеств, необходимых молодому советскому специалисту, стал Ленинский зачет, способствующий единству процесса обучения и воспитания, а ежегодные общественно-политические аттестации в академических группах в рамках ОПП значительно повысили ответственность студентов за учебу, роль учебных групп в трудовом и нравственном воспитании.

Зачеты по спецкурсу, общественно-политической работе в период производственной практики и за рефераты, приравненные к другим зачетам, а также оценки за каждый вид внеучебной работы заносятся в «Книгу общественно-политической практики студента». Эта книжка (объемом 40 с.) является приложением (того же формата и оформления) к зачетной книжке и рассчитана на все годы обучения. Она вручается в торжественной обстановке каждому первокурснику.

В сущности только после внедрения системы ОПП развитие общественной активности студентов стало управляемым процессом, что дало возможность учитывать эту активность при назначении стипендии, сдаче государственного экзамена по научному коммунизму, распределении молодых специалистов на работу и в других случаях, характеризующих личность студента.

Опыт работы Андижанского института хлопководства по внедрению системы общественно-политической практики студентов в 1977 г. был одобрен первой научно-практической конференцией по ОПП и рекомендован другим вузам республики.

Период становления системы ОПП уже позади. В каждом вузе она складывается по-своему. Дальнейшее развитие ее требует постоянной проверки тех или иных форм творческого экспериментирования. Система ОПП, действующая в АИХ, разумеется, не претендует на некую законченность, здесь имеются еще существенные недостатки, нерешенные проблемы.

Эти трудности усугубляются и тем, что пока нет специальной литературы, учебников, учебно-методических и наглядных пособий, программ, форм единой для всех вузов документации, не определено положение студента, не получившего зачет по ОПП, не узаконена проблема «часов» для спецкурса и т. д.

Решение этих и иных вопросов будет несомненно способствовать более эффективному воспитанию у студентов активной жизненной позиции.

Р. Ф. Файзиев

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

**«ТАРИХ-И КИПЧАК-ХАНИ» — ВАЖНЫЙ ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ
СРЕДНЕЙ АЗИИ И СЕВЕРНОГО АФГАНИСТАНА XVI—XVII ВЕКОВ**

Известно, что период Шайбанидов (1501—1598) и Аштарханидов (1598—1757) богат письменными памятниками. Многие из них переведены и стали достоянием научной общественности¹, другие ждут еще своих исследователей. К их числу можно отнести и труд Кипчак-хана «Тарих-и Кипчак-хани» (или «Тарих-и Кипчак», «Тарих-и Кипчаки»).

Наши сведения об авторе ограничиваются в основном тем, что он сообщил в своем труде. Согласно этим разрозненным данным, его имя — Кипчак-хан, или Ходжам Кули-бек Балхи, сын Кипчак-хана, именуемого Имам Кули, кушбеги Субхан Кули-хана, аштарханидского правителя Балха (в течение 23 лет), а затем Бухары (1091—1114/1680—1702 гг.).

Ходжам Кули-бек родился в Балхе. Отец его в 1107/1695—1696 г. из-за интриг Махмуд-бий катагана уехал в Лахор² и до 1125/1713—1714 г. был связан с правителем Пенджаба Сайф ад-Доула Абд ас-Самад-хан бахадуром. Отец автора еще при Субхан Кули-хане стал правителем вилайета Дерагез в Балхской области. Как пишет сам Кипчак-хан, «в том же году (1104/1692—1693.— Э. Х.) отца автора отличили властью над вилайетом Дерагез»³. Кипчак-хан вместе с отцом принимал участие в походе Субхан Кули-хана против правителя Хорезма Арал-хана. Сражение произошло «в окрестностях Каракуля, в местности Тараб, в семи фарсах от Бухары»⁴.

Далее автор сообщает, что его отец после этого похода «с большим усилием получил дозволение Субхан Кули-хана [отправиться] в паломничество к двум священным городам [Аравии]». Подготовка к паломничеству заняла почти шесть месяцев, после чего он «в [месяце] мухаррам года тысяча сто седьмого (август 1695 г.) из исконной родины (Балха) отправился к двум священным городам [Аравии]»⁵.

Дед автора был видным военачальником в Индии в правление Шах Джохана (1037—1068/1628—1658) и в 1056/1646—1647 г. участвовал в завоевании последним Балха. Об этом Кипчак-хан пишет: «Дед автора, согласно предписаниям дружбы к высокородному шахзаде, в должности [предводителя] тысячи или двух тысяч всадников в местности Дерейусуф удостоился службы у надишах-заде [Мурад Бахшар]»⁶.

Настоящий труд, посвященный упомянутому Абд ас-Самад-хану, написан в Лахоре в 1134/1722 г.⁷ Автор неоднократно возвращался к работе над ним. Так, в

¹ Мухаммед Юсуф Мушши. Муким-ханская история. Перевод, предисловие, примечания и указатели А. А. Семенова. Ташкент, 1956; Мир Мухаммед Амин-и Бухари. Убайдулла-наме. Перевод, примечания А. А. Семенова. Ташкент, 1957; Абдурахман-и Тали. История Абулфейз-хана. Перевод, предисловие, примечания и указатели А. А. Семенова. Ташкент, 1959; Хофиз Табризи. Абдуллонома. Форсчадан С. Мирзаев таржимаси. Т. 1. Нашрга тайёрловчи ва изоҳлар автори Б. Аҳмедов. Тошкент, 1966; Т. 2. Нашрга тайёрловчилар: Б. Аҳмедов, А. Жувоинмардисв, Р. Гофурова. Изоҳлар автори Б. Аҳмедов. Тошкент, 1969.

² Согласно Ч. А. Стори, он в 1107/1695—1696 г. попал в плен и был увезен в Индию.— Персидская литература. Био-библиографический обзор, ч. I, М., 1972, с. 447.

³ Ркп. ИВ АН УзССР, инв. № 4468/II, л. 1176.

⁴ Там же, л. 118а.

⁵ Там же, л. 118б.

⁶ Там же, л. 114б.

⁷ Дата завершения сочинения заключена в следующей хронограмме: **قدمات**

فلان بن فلان بن فلان (Прибытие такого-то, сына такого-то, сына такого-то), числовое значение букв которой по абджаду дает 1134 г. х. (ркп. ИВ АН УзССР, инв. № 4468/II, л. 124а).

1137/1724—1725 г. он просмотрел это сочинение, а в 1138/1726—1727 г. дополнил рассказом о событиях этого года⁸.

Сочинение написано на персидском языке. Стиль не выдержан. Так, местами автор, сетауя на свое «косноязычие» и следуя духу сакраментальных литературных приемов, излагает события довольно сложным, витиеватым и вычурным языком. Усвоенные различными тропами фразы и стилистические излишества затрудняют понимание текста. Зачастую же при изложении важных событий стиль заметно упрощен. Нередко автор, образно говоря, прибегает к телеграфному стилю, что не всегда способствует лучшему пониманию контекста. Видимо, это — результат влияния языка тех сочинений, которые были использованы при написании данного труда. Повествование украшено многочисленными стихотворными вставками, цитатами из Корана, призванными подчеркнуть значимость описываемых событий.

В. В. Бартольд в статье «О некоторых восточных рукописях», описывая «Ахсан ат-таварих» («Лучшая из историй»), известную также как «Мунтахаб ат-таварих» («Извлечение из историй»), Хасан ибн Мухаммад ал-Хакн аш-Ширази (ум. в Индии, в Патне, в месяце сафар 1022/март-апрель 1613 г.), упоминает об интерполяции (л. 352а—353б) в ней, отмечая, что эти «сведения извлечены интерполятором из «Тарих-и Кипчакийя»⁹.

Н. Д. Миклухо-Маклай, описывая «Мунтахаб ат-таварих», также говорит, что в разделе, «посвященном истории Великих Моголов, в списке имеется интерполяция на л. 352а—353б восточной пагинации. Далее он указывает, что сведения, «приводимые в интерполяции заимствованы из «Тарих-и Кипчакийя»¹⁰.

Как видим, «Тарих-и Кипчак-хани», в свою очередь, стало первоисточником даже при изложении истории Великих Моголов, причем интерполятор был выходцем из Индии.

Однако этот труд, за исключением небольшого фрагмента, помещенного в сборнике по истории казахских ханств¹¹, еще не использовался специалистами, так что говорить о какой-либо традиции его изучения не приходится.

Между тем «Тарих-и Кипчак-хани» является важным источником не только для изучения истории народов Средней Азии, Казахстана, но и Северного Афганистана. Эта хроника содержит множество интересных для исследователей сведений, причем их достоверность подтверждается целым рядом сочинений.

Известно несколько списков «Тарих-и Кипчак-хани», которые хранятся в рукописном отделе ЛО ИВ АН СССР, ЛГУ, Государственной публичной библиотеке им. Салтыкова-Щедрина (Ленинград), в Ташкенте и за рубежом.

Списки ЛО ИВ АН СССР (№ С.433 и С.1864/2) неполные, с большими лакунами, переписаны в конце XVIII — начале XIX в.¹² Содержание их идентично со списком ЛГПБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Объем — 509 л. Исследуемая нами часть включает л. 481б—509а.

Неполный список принадлежит также Восточному отделу библиотеки ЛГУ (№ 964 В). Он содержит только отрывок из последней части «Тарих-и Кипчак-хани», где излагается история Убайдаллах-хана и Абу-л-Файз-хана, сыновей Субхан Кули-хана Аштарханида¹³. Название сочинения («Тарих-и Кипчаки») приведено в конце списка. Он переписан в 1238/1822—1823 г. Книга же была завершена в начале джумада I 1134/17 февраля 1722 г. и просмотрена в 1137/1724—1725 г. Рукопись переплетена вместе с «Муким-ханской историей».

Наш список начинается с л. 125а и кончается л. 130а. Почерк несколько отличен от первого. Повествование охватывает период Убайдаллах-хана (л. 125а—126б) и Абу-л-Файз-хана (л. 126б—130а).

То же можно сказать и относительно списка Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (№ ПНС-172)¹⁴. Переписчик — некий Имамаллах. Составлен

⁸ Бартольд В. В. Соч., т. VIII, М., 1973, с. 340; Миклухо-Маклай Н. Д. Описание персидских и таджикских рукописей Института востоковедения АН СССР. Вып. 3. М., 1975, с. 146.

⁹ Бартольд В. В. Соч., т. VIII, с. 340.

¹⁰ Миклухо-Маклай Н. Д. Описание персидских и таджикских рукописей..., с. 142.

¹¹ Материалы по истории казахских ханств XV—XVIII вв. Алма-Ата, 1969; с. 386—397.

¹² Подробно см.: Миклухо-Маклай Н. Д. Описание персидских и таджикских рукописей..., с. 146—148.

¹³ Ромаскевич А. А. Список персидских, турецко-татарских и арабских рукописей библиотеки Петербургского университета. — Записки Коллегии востоковедов, т. I, Л., 1925, с. 356; Тагирджанов А. Т. Описание таджикских и персидских рукописей Восточного отдела библиотеки ЛГУ. Т. I. Л., 1962, с. 72—73.

¹⁴ Бартольд В. В. Описание рукописей Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Рукописный отдел Публичной библиотеки, ф. 228

в 1132/1719—1720 г. Список с дефектами: повреждены первые листы, не достаёт конца, хотя каталоги и указывают 505 л.¹⁵ В действительности он содержит 466 л. Исследуемая нами часть включает л. 452б—466б.

Список из фонда Института востоковедения АН УзССР (инв. № 4468/II, л. 93б—135б) переписан в 1245/1829—1830 г. и заключен в один переплет с «Дастур ал-Мулук» ходжа Самандара Термизи (инв. № 4468/I, л. 1б—92б, переписан в 1245 г.) и «Зекр-е та'доде падшахон-и узбак» (инв. № 4468/III, л. 136б—176а, переписан в 1327 г.).

В самом начале второй части (л. 93а) стоит название книги *تاریخ شیبانی خان و معاملات با اولاد امیر تیمور* («История Шайбани-хана и отношения [его] с потомками Амир Тимура»). Однако изучение сочинения, содержащего ряд ценных сведений о жизни автора, его отца и деда, та'риха, написанного Ахкар Фаязом (л. 124а), ясно показывает, что это — «Тарих-и Кипчак-хани» Ходжам Кули-бека.

Ташкентский список «Тарих-и Кипчак-хани» содержит только пятую часть труда. Он посвящен истории Шайбанидов и Аштарханидов, начиная от Абу-л-Хайр-хана. Эта часть считалась самостоятельным сочинением¹⁶.

В целом труд Кипчак-хана охватывает период от «сотворения мира» до 1133/1725—1726 г. Задуман он как изложение всеобщей истории, и перед читателем предстает широкая картина истории всех стран, так или иначе соприкасавшихся между собой. Такой масштаб сочинения был избран автором с целью дать единую историю «обитаемой части Земли».

Книга состоит из введения (фатиха), пяти (в списках Блоше и ЛО ИВ АН СССР) или девяти (в списке Бодлеянской библиотеки) глав (баб) и заключения (хатима). Приводим содержание глав по списку ЛО ИВ АН СССР: пророки до Мухаммада; древние иранские цари; правители (преимущественно домусульманские) в Аравии, Месопотамии, Мавераннахре, Европе (Греции, Риме, римские папы и императоры), Индии и Китае; Мухаммад, имамы, халифы, основатели четырех мазхабов; мусульманские династии, от Тахиридов до Аштарханидов.

Очень хорошие списки труда хранятся в Англии (Бодлеянский список № 117) и Франции (список Парижской Национальной библиотеки, № 348), которые, по свидетельству Захау, Эте и Блоше¹⁷, намного полнее других списков и лучше оформлены. Поэтому в основу нашего исследования положен Бодлеянский список (л. 253а--302б), где изложена история Шайбанидов и Джанидов (Аштарханидов).

Данный труд, как и многие другие хроники, в известной части компилятивен, но даже в нем содержится множество любопытных сведений, не отмеченных в сочинениях других авторов. Видимо, Кипчак-хан пользовался не дошедшими до нас источниками. Первоисточник имеет значение и для изучения биографии самого автора и его отца.

Характерно стремление хрониста к беспристрастности изложения: он часто использует документальный материал, а также показания очевидцев, не выражая своего отношения к описываемым событиям. Тем самым автор, «строгая исторически, излагая преимущественно сами факты и как можно осторожнее прибегая к собственным оценкам»¹⁸, придерживается относительной объективности, насколько это было возможно в те времена. Так, при характеристике исторических деятелей он добросовестно перечисляет как их позитивные, так и негативные черты.

Тут же отметим, что Кипчак-хан уделяет немало внимания характеристике исторических деятелей. Она дается образно и живо, обеспечивая красочное изложение исторических событий.

В каждой главе автор следует определенной схеме: родословная монарха, место и время рождения, история прихода к власти, перечисление важнейших событий, связанных с его именем, описание наружности правителя, черт характера и изложенные обстоятельства его смерти.

Наивно было бы предъявлять к хронисту требования современной историографии, когда автор скрупулезно исследует события, выискивая их мотивы и причины. Каждая эпоха характеризуется своими канонами. Историография того времени развивалась еще не как наука, а как искусство, как жанр повествовательной художествен-

(об этом неизданном труде Бартольда см.: Булгаков П. Г. Неоконченный труд В. В. Бартольда.— «Общественные науки в Узбекистане», 1969, № 11, с. 55—56).

¹⁵ Персидские и таджикские рукописи «Новой серии» ГПБ. Алфавитный каталог. Составитель Г. И. Костыгова. Л., 1973, с. 39.

¹⁶ Собрание восточных рукописей АН УзССР. Т. IX. Ташкент, 1971, с. 17.

¹⁷ Sachau E. d., Ethe H. Catalogue of the Persian, Turkish, Hindustani and Pushtu Manuscripts in the Bodleian Library. Oxford, 1889, p. 56—58; Blochet E. Catalogue des Manuscrits Persans de la Bibliotheque Nationale. T. I. Paris, MDCCCXV (1905), p. 234—236.

¹⁸ Бэкон Ф. Сочинения в двух томах. Т. I. М., 1971, с. 167.

венной литературы. Вера в судьбу сочетается у автора с неменьшей верой в чудесные знамения и предсказания, «волю рока» и «закон возмездия». Так, когда сторонники Шайбани-хана уговаривали его не вступать в бой с иранским войском, а подождать подкрепления, он ответил, что «исход битвы в руках Аллаха» (л. 262а). Причину гибели Шайбани автор объясняет следующим образом: «Поскольку перо предопределения начертало на скрижали лужайки хакана, покорителя стран дату мученичества, то к закату [солнца] вместе со всеми [своими] предводителями, вождами и военачальниками испил шербет мученической смерти» (л. 262а). Но все это не мешает нам почерпнуть из хроники много достоверных исторических фактов.

В «Тарих-и Кипчак-хани» мы не найдем четко сформулированного политического кредо автора, но, видимо, его можно причислить к сторонникам теории «просвещенной» монархии, согласно которой правители делились на «хороших» и «дурных» и судьбы государства целиком зависели от их злой или доброй воли. Хотя хронист пытается объективно описывать личные качества каждого монарха, вплоть до самых негативных, тем не менее он твердо убежден в незыблемости монаршей власти.

Классовые интересы автора почти всегда на стороне феодальной элиты, народ же он презрительно именует «подонками общества» и «сбродом». Таким образом, Кипчак-хан — приверженец теории о роли сильной личности в истории.

Для нас сочинение Кипчак-хана интересно тем, что в нем содержится ценный материал по истории Средней Азии XVI—XVII вв., дополняющий сведения иных источников, приводятся оригинальные факты, не отмеченные другими авторами.

Многие даты приведены в виде та'рихов. Эти конкретные факты позволяют внести существенные коррективы в утвердившиеся в исторической литературе мнения о той или иной личности или событии. Например, автор сообщает точную дату похода Надр Мухаммад-хана на Кабул (1037/1627—1628 г.) и т. д.

Согласно Кипчак-хану, в известном сражении между Убайдаллах султаном и Бабуром близ Кул-и Мелика, где Бабур потерпел поражение (л. 263а), у первого было 2800, у последнего — 4000 всадников, что, очевидно, близко к истине. А. А. Семенов же, ссылаясь на иные источники, писал, что «Бабур располагал 50-тысячной отличо вооруженной армией»¹⁹.

Данные об Абу-л-Хайр-хане, видимо, заимствованы из таких известных сочинений шайбанидского круга, как «Таварих-и гузидайн нусрат-наме», «Тарих-и Абу-л-Хайр-хани» Мас'уда ибн Усмана Кухистани, «Шайбани-наме» Бенаи, «Шайбани-наме» Мухаммада Салиха, «Зубдат ал-асар» Абдаллаха Насраллахи и др.

То же можно сказать и относительно материала о Шайх Хайдар-хане и Шах Будаг-хане.

Вместе с тем в рукописи содержатся мысли, не совсем совпадающие с соответствующими местами упомянутых сочинений шайбанидского круга. Так, указывается, что Абу-л-Хайр-хану наследовал Шайх Хайдар-хан. Будучи слабавольным, он не сумел надлежащим образом управлять государством и оказать противодействие своим врагам. «Вследствие этого Бурундук-хан, внук Джанибек-хана, поручив улус двоюродным братьям, вознамерился выступить против Шайх Хайдар-хана. Народ [Шайх Хайдар-хана], не имея силы сопротивляться, рассеялся» (л. 255а). Здесь Бурундук неверно именуется внуком Джанибека. Он был сыном Гирея. Известно, что после смерти Гирея и Джанибека между их сыновьями начались распри.

Далее в «Тарих-и Кипчак-хани» неожиданно сообщается о воцарении Шах Будаг султана, отца Мухаммад Шайбани-хана и Махмуд бахадура. По другим же источникам Шах Будаг умер в молодости, еще при жизни Абу-л-Хайр-хана. Кипчак-хан пишет, что Шах Будаг «был великодушным и могущественным правителем. [В его эпоху] на язык тюрки делались переводы с фарси...» (л. 255а). Это сообщение в какой-то мере проливает свет на тот факт, что Мухаммад Шайбани-хан и Махмуд бахадур, вопреки сомнению А. А. Семенова²⁰, были на уровне знаний своей эпохи, писали стихи и иные сочинения.

В исследуемом труде имеется ряд терминов, не встречаемых у других хронистов: курух (мера длины ≈ 2 км), лак (сто тысяч), серханг (предводитель войска), бундук (ружье) и т. д.

«Тарих-и Кипчак-хани» содержит также сведения о строительстве различных объектов в Мавераннахр. В частности, упоминается, что Шайбани-хан по пути в Герат отремонтировал бассейн Аргун-хана б. Абака-хана. В 911/1506 г. Шайбани-хан, возвратившись из балхского похода, исправил мост Шах Мелика на р. Кухак (Зарафшан), построил большое медресе и т. д.

¹⁹ Семенов А. А. Первые Шейбаниды и борьба за Мавераннахр.— Материалы по истории таджиков и узбеков Средней Азии (МИТУ).— Труды АН Таджикской ССР, вып. 1, Сталинабад, 1954, с. 128.

²⁰ Семенов А. А. К вопросу о происхождении и составе узбеков Шейбани-хана.— МИТУ, вып. 1, с. 3—37; его же. Шейбани-хан и завоевание им империи Тимуридов.— Там же, с. 39—83.

Давая подробную характеристику тех или иных исторических личностей, автор указывает их социальное и служебное положение: диванбеги, ходжа, бек, бий и т. д. Ознакомление с этой терминологией весьма полезно при изучении социальных категорий и административного устройства государственных образований. К именам часто прилагаются названия племен, из которых эти лица вышли. Например: Абд ар-Рахман уйшун (л. 272а), Абу Кадж бахадур керант (л. 260б), Каибар-бий найман (л. 260а) и др. Это позволяет не только установить родо-племенной состав того или иного народа, но и выявить различные этнонимы одного и того же племени, ибо в разных источниках, а иногда и у одного автора определенное племя имеет несколько названий.

В сочинении дается также перечень городов, которыми владели в качестве уделов ставленники Шайбани-хана (Ташкент, Бухара, Андижан, Шахрухия, Самарканд, Хисар-и Шадман, Термез, Баглан, Кундуз и др.), что имеет важное значение для уточнения границ и административного устройства государства.

Значение «Тарих-и Кипчак-хани» заключается также в том, что по упоминаемым в сочинении сведениям о войнах, голоде, эпидемиях можно судить о тяжелом положении простого народа в ту эпоху. Как известно, феодальные убоицы и войны приносили неисчислимые бедствия прежде всего мирному населению: грабились и разрушались до основания города и селения, истреблялись их жители, а оставшиеся в живых подвергались неслыханным насильям и жестокостям. Так, Шайбани-хан, захватив в 912/1506—1507 г. Балх, «всех предал смерти, разрушил до основания высокие здания, так что город обратился в руины» (л. 259а).

Когда Баки-бий юз по подстрекательству туранских старейшин «в месяце раби лета тысяча пятьдесят девятого (март-апрель 1649 г.) с сорокатысячной конницей выступил со стороны Аккуталя и, перейдя через Джайхун, стал разорять Балх, сжег все посевы области; в городе начались голод и холера. [Дороговизна дошла до того], что одного осла продавали за шестьдесят таньга» (л. 276б).

Подобных примеров можно привести очень много.

Автор рисует яркие картины жестокости правителей, непокорности феодалов, придворных интриг, показывает их пагубное влияние на политическое развитие страны. Все это говорит о том, насколько сложны были задачи консолидации и укрепления государства.

Ценность «Тарих-и Кипчак-хани» состоит также в том, что в нем приводятся множество фактов по истории Северного Афганистана и отражаются взаимоотношения между ханствами того периода. Обширная Балхская область с округами Кундуз, Шибирган, Джузгун (Файзабад) и прочими районами современного Северного Афганистана, а также правобережьем Амударьи вплоть до Гиссара, входила тогда в государство Аштарханидов, а сам Балх был вторым после Бухары по значению городом страны. Наместником Балха был, как правило, наследник престола.

«Тарих-и Кипчак-хани» содержит значительное количество фактов о взаимоотношениях удельных правителей с бухарскими ханами, которые для умирнения непокорных вассалов прибегали к вооруженной силе, зачастую обращаясь за помощью к своим соседям. Так, автор сообщает, что сыновья Надр Мухаммад-хана — «Хосроу султан, Бахрам султан и Субхан Кули султан, которые имели в Балхе собственные уделы, начали [проявлять] неповиновение отцу». Поскольку бунт разрастался, последний обратился за помощью к Шихаб ад-дин Шах Джахан падишаху, который давно выжидал удобного случая и не замедлил вторгнуться с огромным войском в пределы государства Аштарханидов (л. 273б, 274а). А потом Абд ал-Азиз-хану пришлось изгонять это войско, для чего он обратился за содействием к казахским султанам. С этой целью в Ташкенте был созван специальный курултай. В результате, по сообщению автора, «триста тура казахов с одним лаком всадников поднялись на помощь» (л. 274б). Лишь после того, как Абд ал-Азиз-хан с казахскими хаканами и Надр Мухаммад-хан с полками Ирана осадили противника в селении Фатхабад, Джахан падишах вынужден был возвратить власть в стране Надр Мухаммад-хану.

Все это убедительно свидетельствует о том, что «Тарих-и Кипчак-хани» является ценным источником по истории народов Средней Азии, Афганистана и других стран XVI—XVII вв.

Э. Хурият

НОВЫЕ КНИГИ

И. ИСКАНДЕРОВ. ПРОБЛЕМЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАУКИ
В СОВЕТСКОМ УЗБЕКИСТАНЕ

(Ташкент, «Узбекистан», 1979, 302 с.)

В материалах XXVI съезда КПСС и XX съезда Компартии Узбекистана особо подчеркиваются закономерное возрастание роли науки в условиях зрелого социализма, ее значение в социально-экономическом развитии советского общества, решении всех актуальных задач коммунистического строительства.

Весьма важные функции, в частности, выполняет экономическая наука. Уже этим обусловлены своевременность и значимость выхода в свет книги акад. АН УзССР И. И. Искандерова «Проблемы экономической науки в Советском Узбекистане», где на основе обширного фактического материала выявлены внутренние закономерности и главные факторы динамичного и масштабного развития экономической науки в республике в условиях зрелого социализма. При этом в широком плане исследованы проблемы взаимосвязи и взаимодействия экономической науки с процессами коммунистического строительства и коммунистического воспитания трудящихся. В этих целях выдвигаются важнейшие социально-экономические проблемы регионального характера, на решение которых должны быть направлены усилия ученых-экономистов республики в тесной связи с представителями других наук и специалистами народного хозяйства.

По существу — это первая фундаментальная работа, в которой обобщен опыт становления и развития экономической науки в Узбекистане и показаны важнейшие направления повышения ее роли на современном этапе и в долгосрочной перспективе.

Развитие экономической науки неразрывно связано с основными этапами экономической стратегии КПСС и качественными сдвигами в экономическом и социальном развитии Советского Узбекистана. Совершенно правомерно поэтому автор в I главе исследовал вопросы экономической политики КПСС и Советского государства, качественные сдвиги в социально-экономическом развитии республики и раскрыл важнейшие закономерности повышения эффективности науки в период зрелого социализма.

Рассматривая взаимосвязь развития науки и производительных сил, автор определяет систему показателей, характеризующих уровень развития науки, как квалификация научных кадров, материально-техническая оснащенность науки, организация и управление научными исследованиями, экономический механизм связи науки с производством.

Значительное внимание уделено планированию как одной из ключевых проблем управления наукой. При этом определяются пути совершенствования планирования науки. Это весьма сложный вопрос, требующий дальнейшего изучения в целях изыскания новых форм и методов управления наукой с учетом ускорения темпов научно-технического прогресса и возрастающей роли науки в социально-экономическом прогрессе общества.

Во II главе освещаются основные этапы и направления развития экономической науки в республике, качественные сдвиги, происшедшие в ней в условиях зрелого социализма. При этом автор обосновывает важный вывод о том, что «экономическая мысль в Узбекистане, имея свое особое место в историческом развитии, превратилась за годы Советской власти в составную часть единой марксистско-ленинской экономической науки» (с. 93).

В книге показано, как в годы социалистического строительства, в соответствии с запросами народного хозяйства, развивалась и экономическая наука в республике; раскрываются огромный вклад русских ученых в развертывание экономических исследований в Узбекистане, роль видных государственных деятелей в становлении и развитии Института экономики АН УзССР как ведущего научного центра в области экономических исследований в республике. В работе даются обобщение и оценка теоретической и практической значимости исследований в области экономической науки, осуществленных в республике в период развитого социализма. Автор показы-

дает, как под руководством партийных органов поднялся и вырос научный потенциал республики, осуществлена широкая программа подготовки высококвалифицированных научных кадров.

Практическая ценность рецензируемой работы состоит в том, что автор, не ограничившись показом достижений экономической науки в республике, выдвигает целый ряд проблем дальнейшей повышения эффективности научных исследований по экономике. Важнейшие из них — совершенствование организации планирования научных исследований; повышение темпов и качества подготовки кадров высшей квалификации; экономическое развитие и совершенствование структуры экономики в едином народнохозяйственном комплексе страны и др.

В заключительной части этого раздела подчеркивается необходимость концентрации научных сил Узбекистана «на разработке комплексных региональных проблем, обеспечивающих дальнейшее усиление экономического потенциала республик» (с. 240).

Глава IV посвящена роли экономической науки в коммунистическом строительстве.

Поставленные в монографии проблемы весьма многогранны. В работе сделана попытка — и весьма удачная — комплексного рассмотрения методических и практических вопросов развития экономической науки во взаимосвязи с проблемами социально-экономического развития Узбекистана.

Книга нацеливает коллективы ученых-экономистов республики на комплексное изучение проблем совершенствования планирования как важнейшего инструмента осуществления экономической стратегии партии, разработки научно обоснованных перспективных и долгосрочных планов экономического и социального развития республики.

Автором высказаны ценные мысли об усилении роли экономического образования в повышении эффективности производства. В частности, подчеркивается, что ученые-экономисты не всегда «целенаправленно и систематически ведут работу по обобщению опыта и организации экономического образования трудящихся на передовых предприятиях, ими еще мало разрабатываются методические пособия в помощь пропагандистам системы экономического образования» (с. 275). В книге раскрываются основные направления этой работы.

Большой интерес представляют выдвинутые в книге проблемы повышения эффективности соревнования в условиях зрелого социализма. Автор справедливо ставит вопрос о необходимости создания фундаментальных трудов по проблемам социалистического соревнования с учетом особенностей экономики нашей республики. В целях комплексного осуществления этих исследований предлагается создать специальные научные подразделения при Узсовпрофе, а в планах научных исследований институтов общественного профиля предусмотреть работы, связанные с анализом, обобщением практики социалистического соревнования в республике.

Рецензируемая работа не лишена и отдельных недостатков. Ряд положений носит дискуссионный характер. Вне поля зрения автора оказались вопросы соотношения фундаментальных и прикладных исследований. Хотелось бы знать точку зрения автора относительно внедрения результатов экономических исследований в практику народного хозяйства, ибо среди ученых и практиков до сих пор нет единого мнения о том, что же считать внедрением в экономической науке. Весьма сложным является вопрос о совершенствовании структуры экономики в едином народнохозяйственном комплексе страны. Эта проблема, на наш взгляд, требует дополнительных углубленных исследований.

В целом же монография И. И. Искандерова представляет собой ценный, фундаментальный труд по обобщению опыта социально-экономического развития Советского Узбекистана и роли науки в повышении эффективности общественного производства.

К. И. Лапкин, Р. А. Убайдуллаева

А. И. ОСТРОВСКИЙ. ПРОФИЛАКТИКА ПРАВОНАРУШЕНИЙ ШКОЛЬНИКОВ

(Ташкент, «Укитувчи», 1979, 188 с.)

В борьбе за укрепление социалистического правопорядка особое значение имеет предупреждение правонарушений среди несовершеннолетних.

Дальнейшее совершенствование криминологического изучения и профилактики правонарушений несовершеннолетних невозможно без широкого и квалифицированного использования диагностики их нравственно-педагогической запущенности, без знания психологических механизмов, с помощью которых можно направлять энергию, активность подростков в полезное русло. Криминология в своей профилактической

работе должно опираться на средства, методы, приемы воспитательного воздействия, находящиеся в арсенале педагогической науки. Нам представляется, что существуют достаточно веские аргументы в пользу разработки проблематики, которую можно обозначить как «криминологическая педагогика».

В этом плане книга А. И. Островского заслуживает пристального внимания как педагогов, так и криминологов, ибо она представляет попытку комплексного психолого-криминологического подхода к профилактике правонарушений несовершеннолетних.

Автор дает детальный анализ педагогической запущенности (ее понятие, генезис, пути преодоления). Он характеризует педагогическую запущенность поэтапно, обращая внимание педагогов на необходимость изучения особенностей проявления и стадий педагогической запущенности, типов педагогической запущенности, особенностей личности и среды.

Автор правильно отмечает, что подавляющее большинство педагогически запущенных несовершеннолетних правонарушителей выросли в среде, где имели место аморальное поведение взрослых, семейные неурядицы, разного рода ошибки в семейном и школьном воспитании.

Как показано в работе, в ряде случаев учителя субъективно подходят к оценке подростков, что является результатом недостаточного знания детской психологии, следствием педагогических заблуждений и самоуверенности. Родители и педагоги имеют слабое представление о микросреде дворовых компаний.

Анализ свидетельствует о том, что противоправное поведение некоторой части школьников тесно связано с такими явлениями, как второгодничество, отсев из школы, безнадзорность, недостатки в организации досуга, нравственного, трудового, правового воспитания учащихся и др.

Много внимания уделено конфликтам подростка со взрослыми и школьным коллективом, конфликтным отношениям между школой и родителями, раскрытию «механизма» конфликтных ситуаций.

Представляются правильными суждения автора об относительности понятия «трудные дети».

Детально разбирая различные аспекты профилактики правонарушений школьников, А. И. Островский подчеркивает, что главное — это согласование, объединение всех воспитательных приемов, планомерное направление в единое русло воспитательных воздействий семьи, школы, внешкольных учреждений, общественности, правоохранительных органов. В работе даны обоснованные рекомендации по изучению личности, воспитанию и перевоспитанию подростков в школе, семье, по месту жительства, организации педагогического воспитания родителей и т. п.

К работе приложены извлечения из законодательных актов, которые могут быть полезными для практиков, представителей общественности, занимающихся воспитанием прорастающего поколения.

Представляется, что автору следовало подробнее остановиться на таком довольно распространенном недостатке воспитания педагогически запущенных детей, как стандартный, недифференцированный подход к ним, неумение учесть особенности, своеобразие психического склада «трудного» подростка, его потребностей, интересов и мотивов поведения.

Полнее надо было осветить имеющийся опыт работы по преодолению педагогической запущенности девочек.

Не получили освещения в работе некоторые стороны воспитания и перевоспитания педагогически запущенных подростков, вопросы их правового воспитания, роль труда и задачи специальных учреждений для «трудновоспитуемых», принципы отбора в них, особенности подхода к так называемым «тихим» детям (которых А. С. Макаренко считал «наиболее опасным элементом»), к детям с временной задержкой развития, повышенной нервозностью и др.

Но при всем этом представляется, что книга А. И. Островского принесет несомненную пользу делу воспитания и перевоспитания несовершеннолетних и было бы целесообразным перевести и издать ее на узбекском языке.

Г. А. Ахмедов, С. Ш. Айтметова

**У. Х. КАМ-АЛОВ. ВЫСШАЯ ШКОЛА УЗБЕКИСТАНА В ПЕРИОД
СТРОИТЕЛЬСТВА СОЦИАЛИЗМА. ИЗ ОПЫТА РАЗВИТИЯ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ В УЗБЕКИСТАНЕ**

(Ташкент, «Узбекистан», 1980, 152 с.)

История высшего образования в Узбекистане еще не нашла достаточно полного освещения в нашей литературе. В этой связи следует приветствовать выход в свет ра-

боты У. Х. Камалова. Как и его предыдущая книга — «Великий Октябрь и просвещение масс» (Ташкент, «Узбекистан», 1977), она продолжает разработку комплексной проблемы исторического опыта КПСС по формированию и развитию социалистической культуры республики в период строительства социализма.

Автор сделал весьма удачную, на наш взгляд, попытку на большом фактическом материале изучить и обобщить богатый и поучительный опыт Узбекистана в развитии высшего образования, подготовки кадров народной интеллигенции, выявить особенности создания и роста высшей школы в УзССР в процессе построения социализма.

В работе особо подчеркивается решающее значение партийного руководства для успешной деятельности системы высшего образования республики, раскрывается механизм партийной работы в вузах, показано, как партия, руководствуясь ленинскими принципами и указаниями, настойчиво добивалась непрерывного совершенствования форм и методов подготовки кадров высшей квалификации.

Много внимания уделено мероприятиям Коммунистической партии по созданию высшей школы в Туркестане в годы гражданской войны и восстановления народного хозяйства. Автор подробно исследует процесс формирования советской системы высшей школы, ее первые успехи, подчеркивая, что у истоков развития высшего образования в некогда отсталом крае стоял В. И. Ленин.

На основе анализа и обобщения большого фактического материала автор приходит к обоснованному выводу, что создание высшей школы в Узбекистане, ее успехи в подготовке кадров трудовой интеллигенции и развертывании научно-исследовательской работы явились прямым результатом претворения в жизнь ленинских принципов национальной политики Коммунистической партии, ее руководящей и организаторской деятельности, братской помощи великого русского народа, постоянной заботы Советского государства о развитии высшего образования и науки в ранее отсталых республиках.

Большое место в работе уделяется раскрытию мероприятий Коммунистической партии по дальнейшему развитию высшей школы в республике в процессе строительства социализма. Особенно отмечена роль рабфаков (не только Узбекистана, но и РСФСР, других братских республик) в подготовке трудовой молодежи местных национальностей для поступления в высшую школу. Столь же подробно рассказывается о большой научной-исследовательской работе, проводившейся в вузах республики в содружестве с отраслевыми институтами и научными учреждениями.

В заключении подчеркивается, что созданная в процессе строительства социализма высшая школа Узбекистана благодаря постоянной заботе партии и правительства превратилась ныне в разветвленную систему крупнейших высших учебных заведений, успешно готовящих высококвалифицированные кадры специалистов для всех отраслей народного хозяйства и культуры. По уровню развития высшей и средней специальной школы Советский Узбекистан давно уже обогнал не только сопредельные страны Востока, но и многие страны Запада, включая Англию, Францию, ФРГ и др.

На наш взгляд, в рецензируемой работе уделено недостаточное внимание деятельности комсомольских организаций вузов, политико-воспитательной работе среди студентов. Отдельные вузы, например Самаркандский государственный университет, охарактеризованы несколько поверхностно. Требуют уточнения приводимые автором данные о контингенте студентов в различные годы. Но все это не мешает нам дать общую положительную оценку книги, освещающей многие аспекты создания и развития высшей школы в Советском Узбекистане.

К. А. Акилов, М. Ж. Журав

Т. РУЗ И Е. В. ИСТОРИЯ РАБОЧЕГО КЛАССА ПАКИСТАНА

(М., «Наука», Главная редакция восточной литературы, 1980, 268 с.)

В наши дни закономерно происходит количественный и качественный рост рядов рабочего класса развивающихся стран, повышается его роль в борьбе за подлинную их независимость и социальный прогресс. Это ярко видно, в частности, на примере рабочего класса одной из крупных стран Азиатского континента — Пакистана. Истории его и посвящено исследование доцента Ферганского политехнического института Т. Рузиева.

В рецензируемой книге впервые в советской и зарубежной историографии с позиций марксистско-ленинской методологии, на основе изучения широкого круга источников на языках фарси, урду, английском воссоздана комплексная история рабочего класса Пакистана — от появления там первых отрядов мануфактурного пролетариата (XVIII в.) до наших дней.

В работе подробно освещаются процессы зарождения в северо-западных районах Южноазиатского субконтинента еще в условиях феодальной формации зачатков

капиталистических отношений и появления мануфактурного пролетариата; социально-экономические и политические последствия завоевания территории современного Пакистана английскими колонизаторами; особенности формирования первых отрядов фабрично-заводских и транспортных рабочих и их выступления против колониальных властей и местных угнетателей.

Автором впервые дано обстоятельное изложение истории Коммунистической партии Пакистана, профсоюзных центров, многих демократических организаций трудящихся, охарактеризованы основные этапы социального и политического развития рабочего класса этой страны, изменения в условиях его жизни, структуре, составе, численности пакистанского пролетариата, рост его организованности, сознательности и авангардной роли в борьбе против попыток реакционных сил затормозить социальный прогресс.

Значительное место отведено анализу политики правящих кругов Пакистана в отношении рабочего класса, трудового законодательства, трудностей, стоящих ныне перед рабочим и профсоюзным движением Пакистана.

Вместе с тем представляется, что, говоря о трудностях в развитии массового рабочего и профсоюзного движения в Пакистане, автору следовало полнее раскрыть раскольническую деятельность различных международных и местных социал-реформистских, религиозных и маонистских групп. При анализе причин всеобщих забастовок, особенно 1958—1962 гг., не всегда приводятся сведения об их результатах.

В целом же исследование выполнено на высоком научном уровне, на основе использования многочисленных документальных, статистических материалов Коминтерна, ООН, МОТ, ВФП, архива ВЦСПС, данных пакистанской, индийской периодической печати, специальной литературы за триста с лишним лет, с охватом материалов, хранящихся в библиотеках СССР, Пакистана, Афганистана, Индии и Турции.

Книга Т. Рузиева внесла полезный вклад в дальнейшую разработку исторнографии Пакистана и особенно рабочего класса этой страны.

Ф. Б. Исхаков

ХРОНИКА

ВСЕСОЮЗНОЕ СОВЕЩАНИЕ РУКОВОДИТЕЛЕЙ ЛЕНИНСКИХ МУЗЕЕВ

«Итоги работы в десятой пятилетке и задачи музеев В. И. Ленина по выполнению решений XXVI съезда КПСС» — такова была тема Всесоюзного семинара-совещания директоров филиалов и заведующих домами-музеями В. И. Ленина, прошедшего в Ташкенте 27—29 мая 1981 г. Его организаторами были Центральный музей В. И. Ленина и его филиал в Ташкенте.

В семинаре-совещании приняли участие: ответственный работник аппарата ЦК КПСС М. А. Соколов, заведующий отделом науки и учебных заведений ЦК КПУз А. К. Кучкаров, секретарь Ташкентского горкома партии М. Ф. Солдатов, директор Института истории партии при ЦК КПУз, член-корр. АН УзССР Х. Т. Турсунов, партийные работники, ученые, преподаватели вузов, музейные работники.

Совещание открыл вступительным словом М. А. Соколов, подчеркнувший огромное значение, которое придает ЦК КПСС совершенствованию деятельности ленинских музеев страны, являющихся важнейшими политико-воспитательными учреждениями.

С докладом «Задачи музеев В. И. Ленина в свете решений XXVI съезда КПСС, повышение роли ленинских музеев в идеологической деятельности партии» выступила директор Центрального музея В. И. Ленина О. С. Кривошеина. В докладе была намечена развернутая программа деятельности ленинских музеев страны, направленной на раскрытие исторических решений XXVI съезда КПСС, показ преемственности ленинской политики партии, мобилизацию советских людей на выполнение ее предначертаний. О. С. Кривошеина отметила, что в стране существует ныне около 50 ленинских музеев, которые ежегодно посещают до 10 млн. человек.

Директор Института истории партии при ЦК КПУз Х. Т. Турсунов в своем выступлении «Пропаганда ленинских идей в Узбекистане» рассказал о распространении в крае ленинских газет «Искра» и «Пролетарий», о первых изданиях ленинских работ на узбекском языке, деятельности соратников В. И. Ленина в Туркестане.

Старший научный сотрудник сектора произведений В. И. Ленина Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС Т. В. Панченко говорил о поисках и находках бесценных ленинских документов, о том, какое значение придает наша партия сборанию, хранению, изучению и пропаганде идейного наследия В. И. Ленина.

Опыт лекционной и массово-политической работы музеев осветили директор Ульяновского филиала Центрального музея В. И. Ленина А. И. Томуль и директор Тбилисского филиала Ф. М. Махарадзе. Они подчеркнули, что пропагандистская работа ведется строго дифференцированно, с учетом конкретной аудитории; формы и методы ее постоянно совершенствуются.

Вопросам совершенствования экспозиций ленинских музеев, восстановления и сохранения ленинских мемориальных объектов и предметов, создания новых заповедных зон были посвящены выступления директора Бакинского филиала Центрального музея В. И. Ленина М. М. Багирова, директора Ленинградского филиала Ю. П. Смирнова, директора Дома-музея В. И. Ленина в Горках В. И. Шевцова, заведующего Павильоном-музеем «Траурный поезд В. И. Ленина» Д. П. Бендерина, заведующего Домом-музеем В. И. Ленина в Казани К. Г. Валидовой.

Ленинские музеи активно содействуют партийным организациям в коммунистическом воспитании трудящихся, используя и разнообразные формы внемузейной работы. Среди них — организация передвижных и стационарных выставок на промышленных предприятиях и в учреждениях, оказание научно-методической помощи общественным музеям, школьным ленинским комнатам и уголкам и др. Это направленные деятельности ленинских музеев было раскрыто, в частности, в выступлении директора Львовского филиала Центрального музея В. И. Ленина Г. В. Подольяк.

Секретарь партийного бюро Киевского филиала Центрального музея В. И. Ленина П. С. Швец рассказал о деятельности партийной организации филиала по мобилизации коллектива на выполнение решений XXVI съезда КПСС.

Особое место в работе семинара-совещания заняло ознакомление его участников с опытом экспозиционной, лекционной и массово-политической работы Ташкентского

филиала Центрального музея В. И. Ленина. Они тщательно изучили экспозицию музея, где впервые в практике музееведения комплексно используется система технических средств пропаганды.

Гости побывали также на тепловозо-вагоноремонтном заводе им. Октябрьской революции, посетили ВДНХ УзССР, колхоз «Ленинизм» Янгиюльского района Ташкентской области, ознакомились с достопримечательностями древнего Самарканда.

Подводя итоги семинара-совещания, О. С. Кривошеина подчеркнула важность постоянного обмена опытом музейной работы, определения главных задач на предстоящий период. Она выразила уверенность в том, что работа семинара-совещания даст новый импульс улучшению деятельности ленинских музеев страны, повышению роли в идеологическом обеспечении практической реализации решений XXVI съезда КПСС.

Ш. Шахалилов

ЮБИЛЕЙ ВЕЛИКОГО ХУДОЖНИКА

28 мая 1981 г. в Институте востоковедения им. Абу Райхана Беруни АН УзССР состоялась научная конференция, посвященная 525-летию со дня рождения великого художника средневекового Востока Камалиддина Бехзада. Конференция была организована Академией наук УзССР, Союзом художников УзССР и Институтом искусствознания им. Хамзы Министерства культуры УзССР. В ней приняли участие научные сотрудники Института востоковедения им. Абу Райхана Беруни, Института рукописей им. Х. С. Сулейманова АН УзССР, Института искусствознания им. Хамзы, Театрально-художественного института им. Н. А. Островского и реставрационной мастерской Министерства культуры УзССР, Союза художников УзССР, Института истории АН ТаджССР (Душанбе), Института им. И. Е. Репина (Ленинград) и Института истории и теории искусств (Москва) Академии художеств СССР и др.

Научную конференцию открыл вступительным словом вице-президент АН УзССР, акад. АН УзССР Э. Ю. Юсупов, подчеркнувший важность изучения на основе марксистско-ленинской методологии художественного и культурного наследия народов, в частности творчества великого художника-миниатюриста средневекового Востока Камалиддина Бехзада. Он отметил, что яркое и неповторимое творчество Бехзада является общим достоянием и гордостью всех народов Ближнего и Среднего Востока, важным вкладом в сокровищницу мирового искусства.

В докладах и выступлениях участников конференции охарактеризованы жизнь и творчество Бехзада, его роль в дальнейшем развитии миниатюрной живописи. Следует особо выделить доклады Г. А. Пугаченковой, К. М. Мунирова, М. М. Ашрафи, О. И. Галеркиной, Ф. К. Сулеймановой, Э. М. Исмаиловой, Е. А. Поляковой, Н. Наркулова, Ш. Камбаров, в которых рассматривались новые стороны творчества великого художника, его взаимоотношения с Алишером Навои.

Вопросы влияния творчества Камалиддина Бехзада на других художников освещены в докладах А. Р. Умарова, Ч. Г. Ахмарова, А. Мадраимова, И. Нуридиновой. При этом отмечено, что каждый художник по-своему трактовал традиционные сюжеты композиционных решения.

С интересными сообщениями выступили Х. М. Мухтарова (о книжном искусстве), М. Ю. Юнусходжаева (о современнике Бехзада Абдулле Марвариде), С. Давыдов (о принципах построения орнамента в среднеазиатской миниатюре).

На конференции присутствовали афганские слушатели ташкентских учебных заведений, которых от имени собравшихся тепло приветствовал вице-президент АН УзССР Э. Ю. Юсупов.

Выступивший в заключение академик-секретарь Отделения истории, языковедения и литературоведения АН УзССР, акад. АН УзССР М. К. Нурмухамедов отметил, что заслушанные доклады и сообщения явились определенным вкладом в изучение и популяризацию богатого художественного наследия Бехзада.

Материалы конференции решено издать отдельным сборником.

Участники ее с интересом ознакомились с художественной выставкой, посвященной юбилею Бехзада. На ней были представлены уникальные художественно оформленные рукописи эпохи Бехзада, копии миниатюр великого мастера и его школы, выполненные художниками М. М. Воронским и Я. Г. Юрцейко, произведения народных художников УзССР И. Икрамова, Ч. Г. Ахмарова, Ф. Сайдалиевой, талантливого художника-сатирика Т. Мухамедова, а также молодых мастеров — А. Гулямова, Т. Садуллаева, Ш. Мухамеджанова, Ш. Салимова и др.

Юбилей Камалиддина Бехзада был широко отмечен научной и художественной общественностью республики. В периодической печати опубликованы статьи М. М. Хайруллаева, А. У. Урунбаева, Ч. Г. Ахмарова, Ф. К. Сулеймановой, Е. А. Поляковой, Э. М. Исмаиловой, А. Мадраимова, З. Рахимова и др. Республиканское радио и телевидение организовали с участием ведущих ученых специальные передачи, посвященные 525-летию со дня рождения великого художника.

Р. Н. Бахадыров

СОДЕРЖАНИЕ

Решения XXVI съезда КПСС — в жизнь!

Н. Тухлиев. Агропромышленная интеграция и дальнейшее совершенствование кооперативно-колхозной собственности	3
Л. З. Каланова. О повышении эффективности жилищно-коммунального хозяйства Узбекистана	10
С. И. Воробьева. Обычаи и традиции в системе социальных норм социалистического общества	14
А. Т. Маннапов. Взаимодействие культур и его роль в развитии философской мысли	21
К. Шаниязов. О роли карлукского компонента в этногенезе узбекского народа	28
В. М. Массон. Кушанская эпоха в древней истории Узбекистана (Вопросы типологии поселений и культурогенеза)	36

Научные сообщения

А. Ю. Ибрагимова. Партийно-политическая работа среди сельских труженников Узбекистана в военные годы	44
Н. И. Ахмедова. О деятельности печати Узбекистана в период Великой Отечественной войны	46
Н. Обломуратов. Помощь трудящихся УзССР в восстановлении учреждений культуры освобожденных районов страны	48
У. Х. Хатамов. Восстановление и развитие животноводства в южных районах Узбекистана в 1925—1928 годах	50

Учебно-воспитательная работа в вузах

Р. Ф. Файзиев. Организация общественно-политической практики студентов (Из опыта Андижанского института хлопководства)	53
--	----

Источниковедение

Э. Хуршут. «Тарих-и Кипчак-хани» — важный источник по истории Средней Азии и Северного Афганистана XVI—XVII веков	56
---	----

Новые книги

К. И. Лапкии, Р. А. Убайдуллаева. И. Искандеров. Проблемы экономической науки в Советском Узбекистане	61
Г. А. Ахмедов, С. Ш. Айтметова. А. И. Островский. Профилактика правонарушений школьников	62
К. А. Акилов, М. Ж. Жураев. У. Х. Камалов. Высшая школа Узбекистана в период строительства социализма. Из опыта развития высшего образования в Узбекистане	63
Ф. Б. Исхаков. Т. Рузиев. История рабочего класса Пакистана	64

Хроника

Ш. Шахаллов. Всесоюзное совещание руководителей ленинских музеев	66
Р. Н. Бахадуров. Юбилей великого художника	67

НАШИ АВТОРЫ

- Лапкин К. И.**— академик АН УзССР, вице-президент АН УзССР.
- Массон В. М.**— член-корреспондент АН ТуркмССР, зав. сектором Средней Азии и Кавказа Ленинградского отделения Института археологии АН СССР.
- Ахмедов Г. А.**— доктор юридических наук, зав. сектором уголовного права и процесса Института философии и права им. И. М. Муминова АН УзССР.
- Ибрагимова А. Ю.**— доктор исторических наук, и. о. зав. отделом истории Узбекистана в годы Великой Отечественной войны Института истории АН УзССР.
- Убайдуллаева Р. А.**— доктор экономических наук, зам. директора Института экономики АН УзССР.
- Шаниязов К.**— доктор исторических наук, зав. отделом исторической этнографии Узбекистана Института истории АН УзССР.
- Айтметова С. Ш.**— кандидат педагогических наук, доцент кафедры дефектологии Ташкентского государственного педагогического института им. Низами.
- Акилов К. А.**— кандидат исторических наук, зав. отделом истории культурного строительства Узбекистана Института истории АН УзССР.
- Жураев М. Ж.**— кандидат исторических наук, ученый секретарь Института истории АН УзССР.
- Исхаков Ф. Б.**— кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры философии АН УзССР.
- Тухлиев Н.**— кандидат экономических наук, инструктор ЦК КПУз.
- Файзиев Р. Ф.**— кандидат исторических наук, зав. кафедрой научного коммунизма Андижанского института хлопководства.
- Бахадиров Р. Н.**— ученый секретарь Института востоковедения им. Абу Райхана Беруни АН УзССР.
- Ахмедова Н. И.**— ст. преподаватель кафедры истории СССР советского общества СамГУ им. А. Навои.
- Воробьева С. И.**— аспирант юридического факультета ТашГУ им. В. И. Ленина.
- Каланова Л. З.**— ассистент кафедры планирования народного хозяйства Ташкентского института народного хозяйства.
- Маннапов А. Т.**— мл. научный сотрудник Института философии и права им. И. М. Муминова АН УзССР.
- Обломуратов Н.**— мл. научный сотрудник Института истории АН УзССР.
- Хатамов У. Х.**— преподаватель кафедры истории КПСС Каршинского госпединститута.
- Хуршут Э.**— мл. научный сотрудник Института востоковедения им. Абу Райхана Беруни АН УзССР.
- Шахалилов Х.**— руководитель лекторской группы Ташкентского филиала Центрального музея В. И. Ленина.

**НОВЫЕ КНИГИ
ИЗДАТЕЛЬСТВА „ФАН“ УзССР**

1981

Айбек

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИИ

Том XVIII

На узб. яз. 328 с. Цена 1 р. 70 к.

Хамза Хаким-заде Ниязи

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИИ

Том 3

На узб. яз. 216 с. Цена 1 р. 20 к.

ИСТОРИЯ КАРАКАЛПАКСКОЙ СОВЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

На рус. яз. 436 с. Цена 5 р.

У. Н. Насыров

**ТВОРЧЕСКАЯ ИНДИВИДУАЛЬНОСТЬ, ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ СТИЛЬ
И ОБРАЗ АВТОРА**

На узб. яз. 200 с. Цена 1 р. 90 к.

**УСЛОВИЯ РОСТА И СБЛИЖЕНИЯ УРОВНЯ ЖИЗНИ
ГОРОДСКОГО И СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ УЗБЕКИСТАНА**

На рус. яз. 168 с. Цена 1 р. 70 к.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В КАРАКАЛПАКИИ

На рус. яз. 140 с. Цена 1 р. 40 к.

ВНИМАНИЮ ЧИТАТЕЛЕЙ!

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА

НА ЖУРНАЛ

«ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ В УЗБЕКИСТАНЕ»

на второе полугодие 1981 г.

Подписка принимается всеми отделениями и агентствами «Союзпечати», узлами и отделениями связи, а также общественными распространителями печати.

Подписная цена на полугодие — 2 руб. 40 коп.

Редактор И. А. Маркман
Технический редактор Л. П. Тюрина

Слано в набор 19. 06. 81. Подписано к печати 13. 07. 81. P07770. Формат 70×108¹/₁₆. Бумага типографская № 1. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. печ. л. 6,3. Уч. изд. л. 6,7. Тираж 1388. Заказ 118. Цена 40 к.

Издательство «Фан» УзССР, Ташкент, 700047, ул. Гоголя, 70.
Типография Издательства «Фан» УзССР, Ташкент, проспект М. Горького, 79.

Цена 40 к.

Индекс
75349